

М-22

Д. Н. Матихъ-Сибирякъ.

БѢЛОЕ ЗОЛОТО.

НОВѢСТЬ.

8868

ВОСЬМОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ЮНАЯ РОССІЯ“.

Москва, П. Мамачкина, д. № 18.

ЭБ

МОСКВА.
1918.

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Белое золото

Жизнеописание уральских старателей — добытчиков
платины.

Содержание

I.	0006
II.	0015
III.	0025
IV.	0034
V.	0043
VI.	0052
VII.	0062
VIII.	0071
IX.	0080
X.	0092
XI.	0104
XII.	0116
XIII.	0125
XIV.	0134
XV.	0143
XVI.	0151
XVII.	0163
XVIII.	0176

Библиотека для семьи и школы.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

M-222

БѢЛОЕ ЗОЛОТО.

ПОВѢСТЬ.

11-е ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

«ЮНАЯ РОССИЯ».

Москва, В. Молчаевъ, д. № 18.

МОСКВА.
1918.

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Белое золото**

— Эй, ты, лежебока, вставай... — говорил старик Ковальчук, стараясь разбудить спавшего мальчика. — Пора, брат...

Кирюшке ужасно хотелось спать, и при том было очень холодно. Он старался завернуться в старую баранью шубенку и откатывался к самой стене землянки.

— Ну, ну, не балуй... — ласково повторял старик. — На работу пора...

В землянке было темно и сыро. Свет проходил только через низенькую дверку, в которую входили, согнувшись. Когда старику надоело будить внука, он сдернул с него шубу. Кирюшка, охваченный холодом, сел на наре и никак не мог понять, где он и что с ним.

— Ну, ну, будет спать... — говорил старик, глядя кудластую голову мальчика. — Все мужики уж встали...

— Дедушка, еще немножко поспать... — плаксиво проговорил Кирюшка, протирая глаза.

Старик взял его под-мышки, встряхнул и потащил из балагана.

— Что с тобой разговаривать-то, — ворчал он, стараясь не выпускать из рук барахтавшегося внука.

Вытащив на воздух, старик еще раз его встряхнул и, поставив на ноги, проговорил не без гордости:

— А вот вам и еще старатель!.. Получайте...

Около огня, над которым висел железный котелок, сидело несколько мужиков и баб. Один из мужиков оглядел Кирюшку и проговорил:

— Ничего, здоровущий мужчина.

Это был известный Емелька, охотник, подошедший к балагану Ковальчуков на огонек. Остальные мужики, в том числе и отец Кирюшки, угрюмо молчали, и только мать проговорила:

— Ступай вон к ключику, умойся... Сон-то и снимет, как рукой. Сейчас каша поспеет.

Последнее произвело на Кирюшку самое сильное впечатление, и он бегом побежал под гору, куда толкнул его дед.

— Эге, тоже Ковальчук будет... — задумчиво проговорил старик, провожая внучка глазами. — Кирюшка, направо держи... Под ку-

стом тебе и ключик будет. Ах, ты, пострел...

— Нашел, дедушка! — весело крикнул Кирюшка, — вот, он, ключик-то...

— Давно бы так-то... Холодной-то водой вот как обдерет, а каша, брат, сейчас готова. Любишь горячую кашу хлебать, пострел? То-то...

Землянка Ковальчуков приткнулась на самой обочине (бок) небольшого увала, упиравшегося в небольшую горную речонку Мартьян. Место было выбрано старым дедом сухое, а главное — веселое. От землянки открывался великолепный вид на весь Авроринский прииск, на котором добывали платину вот уж тридцать лет. Сейчас за речкой Мартьяном разлеглась лесистая горка Момыниха, и из-за нее синела вершина горы Белой, точно громадная коврига хлеба. Поправее горбилась Соловьева гора, и течение Мартьяна раздавалось, точно вода раздвигала стеснявшие ее горы, пригорки и увалы. Работы шли по течению Мартьяна, насколько хватал глаз. Земля была изрыта по всем направлениям, а вода катилась совсем мутная, унося с собою глину от промывки. По обоим берегам, как птичьи гнезда, лепились землянки, бала-

ганы и просто шалаши старателей, а налево виднелась главная приисковая контора. Ранним летним утром на горах холодно, и Мартьян долго кутается в волокнистую пелену тумана. Когда-то еще солнце обсушит росу и подберет этот туман. У старательских балаганов везде дымятся огоньки, из лесу доносятся перезвон лошадиных ботал, где-то лениво лает собака, — начинается рабочий приисковый день.

У огонька, перед землянкой Ковальчуков, хмуро сидело несколько мужиков; сын-большак, отец Кирюшки, зять Фрол и подросток Ефим. Всем хотелось спать, а работа не ждет. Баб было три — мать Кирюшки, Дарья, жена Фрола, Марья, и сестра Кирюшки, Анисья, молодая девушка. Марья возилась в сторонке со своим ребенком, Дарья варила кашу. Анисья починая дедушке чекмень. У Дарьи сейчас было сердитое лицо. Это была такая серьезная заботливая женщина, которою держался весь дом. Семья Ковальчуков жила бедно и кое-как перебивалась, было о чем подумать, когда за обед садились восемь душ. Одного хлеба не напасешься, не говоря уж о харчах и

приварке. И сейчас Дарья сердилась на то, что охотник Емелька притащился совсем не во-время. Дед Елизар, наверно, позовет его есть, а варево вперед рассчитано по ложкам.

«Шалый человек... — сердито думала Дарья, размешивая в котелке разварившуюся кашу. — Не охота работать, вот и шляется по лесу. И шел бы своей дорогой, а то к чужому вареву подсел. Нет стыда-то, вот и сидит»..

Действительно, чего боялась Дарья, то и случилось. Дед Елизар, когда сняли котелок с огня, проговорил Емельяну:

— Похлебай с нами каши-то, Емельян... Оно хорошо горяченького поесть.

— А уж не знаю, право... — ответил Емельян, глядя в сторону; ему есть хотелось и было немного совестно. — Пожалуй...

Вся семья уселась на траве. Ели кашу прямо из котелка, тщательно облизывая ложки. Говорить за едой не полагалось. Кирюшка ел за большого и все смотрел на Емельку, которого давно знал. Да и кто его не знает в Висиме? Емельке было уж под шестьдесят. В бороде все волосы поседели, а все его считали ненастоящим мужиком. Так, просто, Емелька.

Сегодня одно поработает, завтра другое, а потом пропадет недели на две в горы на охоту, — какой же это настоящий мужик? И одевался он, как нищий: рваный армячишко, рваная шапчонка, рваные сапоги, а то и лапти. Емелька жил бобылем и меньше всего на свете обращал внимания на самого себя. Жил он, как птица небесная, не заботясь о завтрашнем дне.

— Куда поволокся-то, Емельян? — спрашивает дед, откладывая свою ложку.

— А на Осиновую гору... — неохотно ответил Емелька, не любивший таких расспросов, когда шел на охоту, — как раз сглазят. — Меня там дьячок Матвеич ждет...

— Оленей будете гонять по лесу?

— Какие там олени...

Емелька нахмурился и замолчал. А потом поднялся и сурово проговорил:

— А ты бы, дедушка Елизар, как-нибудь зашел ко мне... Поговорить надо. А то к Матвеичу заверни в воскресенье...

— Ладно, как-нибудь удосужусь...

— Спасибо за хлеб, за соль, — проговорил Емелька, поднимая с земли свое ружьиш-

ко. — Мне пора... Так ты тово, дедушка Елизар...

— Ладно, ладно.

Емелька, не торопясь, зашагал под гору. Ноги у него были кривые, и он их тащил, точно шел на чужих ногах. Мужики проводили его с улыбкой, а потом отец Кирюшки сказал, обращаясь к бабам:

— Эх, бабы, не догадались вы... Надо бы которой дорогу ему перейти, — не пошел бы он на охоту, а воротился домой. Дьячок-то и не дождался бы...

— Слышь, дело у него есть! — поддакнул зять Фрол. — Тоже и скажет человек...

— Бесстыжие глаза, — ворчала Дарья. — Я и то обсчиталась с кашей-то, Кирюшку забыла, а тут еще Емельку принесло.

Дед Елизар не любил, когда за глаза говорят про людей нехорошо, и строго заметил:

— Вы у себя во рту зубы считайте, а Емельяна оставьте. Ведь никого, слава Богу, он не обидел, — ну, и молчите. У каждого свое дело есть... Ну, Кирюшка, пора, брать, на работу. Каши приисковой ты наелся, а теперь отдай приисковой нашей работы... Давно на

прииск просился.

Старик пошел к приисковой таратайке (тележке на двух колесах), к которой привязана была чалая лошадь и, не торопясь, начал ее обряжать: надел хомут и шлею, завел в оглобли, заложил дугу и, побряхтывая, затянул супонь. Кирюшка в это время успел надеть седелку и перекинуть черезседельник. Чалко не любил, когда подтягивали черезседельник, и лягался задней ногой.

— Не любишь?.. а? — ласково ворчал старик, захлестывая ремень вокруг оглобли. — Не любишь, говорю? Ах, ты, прокурат... Ну, Кирюшка, садись на козлы, а я барином сяду в таратайку.

Старик с трудом забрался в тележку, а Кирюшка занял свое место на деревянном облучке. Чалко не заставлял себя понукать и рысцой побежал по маленькой дорожке под гору, — он знал, куда нужно было ехать. Дед Елизар стоял на ногах, придерживаясь одной рукой за грядку таратайки, а другой защитил глаза от солнца. Он смотрел на приисковую дорогу, огибавшую Момыниху, и думал вслух:

— Ишь, как вышагивает Емельян-то... Ви-

дишь его, Кирюшка?

— Вижу, дедушка.

— Зачем человека обижать?.. Не объел он нас, а Дарья ворчит. Хлеб-соль — заемное дело... Брось кусок хлеба назад, а он впереди тебя очутится. Вот как сказывали старинные люди.

II.

Делянка Ковальчуков была в полуверсте от землянки, так что было видно все, что делается «дома», и наоборот. Кирюшка попал на прииск в первый раз и с удивлением смотрел кругом.

— Дедушка, кто же столько земли изрыл? — спрашивал он, оглядывая старые свалки и отвалы, глубокие ямы, канавы и забои.

— А все мы же, Кирюшка, — не без самодовольства объяснил старик. — Наша работа... На барина было прежде достаточно пороблено, а теперь робим на себя. Што добыл, то и твоё...

Отвалами и свалками на промыслах называются те земные валы, которые образуются из верхних пластов земли, не содержащих драгоценного металла, — это пустая порода, или туфы, как говорят рабочие, — и из промытых песков и галек. Забой — глубокая яма, из которой добывают пески.

— Ишь, как Белохвосты поворачивают! — похвалил старик, когда они проезжали мимо

одной старательской дялянки. — Эй, здравствуй, Архип...

Из четырехугольной глубокой ямы ответил рыже-бородый и кривой на левый глаз мужик:

— И ты здравствуй... Новаго старателя ве-
зешь?

— Около того...

— Что же кошку не посадишь править?..

Кирюшка знал Белохвостова и обрадовался, когда к забою подъехал на таратайке мальчик лет десяти, младший сын Белохвоста.

— Здорово, Тимка...

— Здравствуй... — ответил равнодушно Тимка. — Робить приехал?

— Робить...

Забой у Белохвостов был выстроен не так, как у Ковальчуков. Яма в четыре квадратных сажени была вырыта без въезда, и пески выбрасывали сначала наверх, на деревянные полаты, а потом уже Тимка нагружал ими свою таратайку. Получалась двойная работа; но Белохвосты были ленивы и не хотели сделать спуска в забой, по которому таратайка

могла бы въезжать в самую яму.

— Ужо как-нибудь устроим... — говорил кривой Белохвост почти каждый день. — Куды способнее будет. Вот у старика Ковальчука как ловко налажено, и у других тоже. Вот ужо...

Этим дело и кончилось. Белохвост любил поговорить и чистосердечно завидовать другим, у которых как-то все точно само собой делается.

— Ну, вот мы и дома, Кирюшка, — заявил дедушка Елизар, когда таратайка подкатилась к их забою.

Яма, в которой работали Ковальчуки, была такой же величины, как и Белохвостов, с той разницей, что можно было таратайку запрячь по спуску прямо на дно, где и грузились в нее пески. Скоро подошли мужики. Собственно, в забое работали двое — отец Кирюшки, Парфен, и зять Фрол. Один кайлом выворачивал слежавшийся песчаный пласт, а другой нагружал им таратайку. Это самая тяжелая работа, и старик Елизар только наблюдал и хлопотал около промывки. Раньше пески отвозила на таратайке Анисья, а теперь

ее заменил Кирюшка.

— Ну, Кирюшка, пошевеливай, — проговорил отец, нагрузив первую таратайку синевато-серым песком, — вези бабам гостинцу... Оне тебе какое спасибо скажут.

Чалко отлично знал дорогу, вывез таратайку из забоя и начал осторожно спускаться к Мартьяну, где происходила промывка песков. Но на полдороге он чуть не потерпел крушения. Откуда-то с боковой дорожки на него налетел Тимка, ехавший к себе в забой уже с пустой таратайкой.

— Эй, ты, ворона, берегись! — крикнул Тимка, размахивая вожжами.

Таратайки зацепились колесами, и Кирюшка едва усидел, а Тимка нарочно погонял лошадь, чтобы перевернуть таратайку Кирюшки.

— Перестань баловать, пострел! — крикнул с промывки дедушка Елизар. — Вот ужо я тебя. Тимка...

Тимка обругали Кирюшку, взмахнул вожжами и ускакал.

Промывка песков была устроена на самом берегу реки Мартьяна. Дедушка Елизар при

помощи отводной канавы устроил маленький прудок, из которого вода по деревянному жолобу падала на вашгердт. Устройство вашгердта было самое простое: деревянный длинный ящик, с открытым боком и покатным дном, прикрытый сверху продырявленным, как терка, железным листом. Этот железный лист называется грохотом. Содержащие платину пески сваливают на грохот, из жолоба пускается на них струя воды, рабочие размешивают эти пески коротенькими железными лопаточками-скребками, помогая воде уносить глину и мелкий песок. В результате такой промывки на грохоте остаются одни крупные гальки, который сбрасываются в сторону, а на покатом дне деревянного ящика постепенно накапливается мелкий черный песочек, «шлих», содержащий в себе зерна платины. Платина и шлик тяжелее обыкновенного песка, и вода не может их снести.

Кирюшка подъехал к самому вашгердту, у которого их уже ждали мать, Дарья и Анисья. Дедушка Елизар снял прикрепленную позади таратайки палку, поддерживавшую откидное дно, и песок высыпался на землю.

— Ну, слава Богу, вот и стал ты, Кирюшка, теперь уж настоящий старатель, — ласково говорил старик, поднимая деревянное дно таратайки. — На твое счастье будем сегодня промывать платину...

Анпсыя и Дарья принялись дружно за работу, размешивая своими скребками пески на грохоте. Ефим подбрасывал им новые порции, а в промежутках накладывал в ручную тачку перемывки, т.-е. скинутые с грохота гальки и камни, и отвозил их на ближайшую свалку. Дедушка Елизар поправлял платину, попорченную недавним ливнем, и все что-то бормотал себе под нос.

— Эх, кабы лошадь... вторую лошадь... Можно бы второй грохот поставить. Ей-богу... Ефим бы с Марьей стали орудовать у второго грохота, а я бы перемывки отвозил. Да... Вон у Шинкеранков как поворачивают с двумя-то лошадьми. Тоже у Кусяковых, у Сотников... Ах, кабы вторая лошадь!..

Мысль о второй лошади преследовала дедушку Елизара уже целых десять лет. Вдвое бы работа закипела... Эту вторую лошадь он видел даже во сне. Но мечты так и остались

мечтами. Семья была бедная и едва зарабатывала на хлеб. Конечно, другим выпадало счастье, как Шкарабурам: напали на хорошую платину, и сразу вся семья поднялась на ноги. Сразу трех лошадей купили, избу новую поставили, младшего сына женили, — одним словом, богатство.

— Эх, нет второй лошади... — думал вслух старик, наблюдая, как маленький Кирюшка подвозил пески.

Кирюшка был совершенно счастлив. Он почувствовал себя настоящим мужиком-старателем. На золотых и платиновых промыслах старателями называют тех рабочих, которые занимаются работой от себя, т.-е. берут на прииске небольшую делянку, добывают из нее золото или платину и за условленную плату сдают ее хозяину прииска. На платиновых промыслах в описываемое нами время цена на старательскую платину стояла очень низкая, всего 25 копеек за золотник. При средней ровной добыче, как у Ковальчуков, в день намывалось около шести золотников, что составляло ежедневный заработок всей семьи рубля полтора. На эти деньги, при самых

скромных потребностях, было очень трудно перебиваться. За стол садилось восемь ртов, а потом на приисковом деле всякая одежда, а особенно обувь — горела огнем. Все хозяйственные расчеты лежали на старшей снохе, Дарье, и ей приходились поневоле высчитывать каждый кусок. Работая скребком, она в уме соображала, что они будут обедать, а главное, — что ужинать. Взятого из дому хлеба не хватит до конца недели, как она не прикидывала в уме. Прежние расчеты разбивались теперь присутствием нового едока в лице Кирюшки. Мальчик, конечно, не велик, а съест с большого, особенно когда наработается. Дарья опытным материнским глазом наблюдала за своим будущим кормильцем и, с одной стороны, радовалась, что он уже не даром будет есть свой детский хлеб, а с другой, — жалела его: хорошо работать сейчас, в хорошую погоду, а каково ему будет мокнуть в ненастье, особенно осенью.

Семья Ковальчуков проживала в Висимо-Шайтанском заводе; по-просту — в Висиме, как называли его рабочие. Дома оставалась одна старуха, бабушка Прасковья. Она

вела свое хозяйство: корову наблюдала, овец, кур и разную домашность. С ней обыкновенно оставался до последнего времени и Кирюшка. Мальчик помогал во всем бабушке и, по-своему, был полезен. Но весной умерла одна дальняя родственница Ковальчуков, оставившая девочку лет восьми, круглую сироту. — Ей уже совсем некуда было деваться, и Ковальчуки ее взяли к себе.

— Беднее не будем, — решил дедушка Елизар, — А девчонка подрастет, — работница в дому будет.

Дарья долго не решалась взять к себе сироту. Самим есть нечего, а тут еще лишний рот. И девченку жаль, а своей заботы по горло. Но все вышло как-то само собой. Взяли девочку всего на несколько дней, покормили, приодели в разные обносочки, — что же, пусть пока поживет. Сиротка так и прижилась у Ковальчуков. Главное, жаль, — девчонка совсем хорошая. Послушная такая и смышленая.

— Собаку и ту жаль выгонять на улицу, — рассуждал старый Ковальчук, — а тут живой человек. Вырастет большая, — спасибо скажет.

— Есть побогаче нас, те бы и брали, — ворчала Дарья.

— А Бог-то, Дарья? Ах, какая ты... Нам за сироту Бог счастье пошлет.

Теперь бабушка Прасковья могла управляться уже без помощи Кирюшки, и поэтому его отправили на прииск.

III.

До обеда Кирюшка работал с удовольствием. Да это и была не работа, а одно развлечение. К обеду он так проголодался, что едва мог дожидаться, когда дедушка кончит «доводить» намытую платину.

— Дедушка, скоро? — приставал Кирюшка.

— Подождешь...

— Вон бабы уж пошли к балагану.

— Ступай и ты, коли охота. Ишь, загорелось...

Другие мужики не шли, и Кирюшка остался дожидаться. Отец с зятем подравнивали съезд в забой, Ефим налаживал доски для откатки на ручной тачке.

«Доводил» платину всегда сам старик. Работы на грохоте прекращались, струя воды уменьшалась, и дедушка Елизар, сидя на корточках, осторожно отмучивал оставшиеся пески на покатом дне вашгердта, что делал небольшой щеткой. Он проводил щеткой вверх, поднимая пески: и вода уносила легкие частицы, оставляя шлихи и платину. Все это нужно было делать очень осторожно, что-

бы водяная струя не унесла вместе с песком и мелкую платину. Точно так же были «отмучены» шлихи от платины, и, в конце концов, осталась одна платина, имевшая рыжеватый вид. Старик собрал ее на железную лопаточку и, прежде чем опустить в железную кружку, проговорил:

— Ну, Кирюшка, не велико твое счастье... Будет-не-будет золотника с четыре. Не велико богатство...

— Дедушка, пойдем...

— Што, видно, брюхо-то не зеркало? — смеялся старик, догадавшись, в чем дело. — Проголодался?

У землянки уже давно курился веселый огонек, как и у других старательских балаганов и избушек. Солнце так и пекло. Старик отпряг Чалку, спутал ей передние ноги, повесил на шею медное ботало (колокольчик) и пустил в лес. Лошадь была тоже голодна и с жадностью накинулась на траву.

Обед готовила Марья, оставшаяся с ребенком дома. Бабы хозяйничали по очереди: — один день одна, другой — другая. Впрочем, и хозяйство было не велико: всего-то сварить

какое-нибудь горячее варево. Утром ели пшенную кашу, а к обеду Марья сварила щи из крупы. Для «скуса» к вареву были прибавлены сухая рыба и зеленый лук. Нарботавшиеся люди ели молча, не торопясь, и, откусывая хлеб, придерживали его ладонью, чтобы не уронить на землю ни одной крошки дара Божьего. Голодный Кирюшка начал было торопиться и набивать себе полон рот, но дедушка его остановил:

— Куда торопишься-то, Кирюшка? Порядку не знаешь?.

Мать тоже прикрикнула на озорника. Кирюшка присмирел и начал ездить своей ложкой в котелок вместе с другими мужиками.

— Вот так-то лучше будет, — похвалил его дедушка, глядя по голове. — В крестьянах, где землю пахут, когда нанимают работника, так сперва посадят его обедать: — ежели начнет торопиться, значит, плохой работник будет, а ежели ест степенно, — хороший. Так-то, Кирюшка...

Пообедав, все мужики улеглись спать. Дедушка ушел в землянку, а остальные устроились прямо на траве. Из баб легла спать одна

Анисья. Кирюшка остался с матерью и решительно не знал, что ему делать. Его выручил Тимка, который шел куда-то по дороге и поманил его издали рукой. Кирюшка полетел под гору стрелой.

— Смотри, долго не бегай! — крикнула ему вслед Дарья.

— Ну, пойдем... — говорил Тимка. — У нас тоже все мужики улеглись спать. Куда пойдем-то?

— Не знаю...

— Или на казенную машину пойдем колотить Егорку-погонщика, или в контору — дразнить собаку у штейгера Мохова?.. Он давно грозитя убить меня до смерти.

— Пойдем в контору... Только я боюсь, Тимка.

— Чего же бояться, дурень?

— А ежели там начальство?

— Ну, тоже и скажет... Мы еще у Мохова чаю напьемся; он ведь нам сватом приходится, а то у Миныча в шашки поиграем.

Мальчики вперегонку побежали по дороге налево. Они еще не знали усталости, как большие, и рады были каждому случаю пове-

селиться и поиграть.

До конторы было рукой подать. Это был низенький деревянный домик, стоявший на уторе, над самым Мартьяном. Все течение реки было изрыто, и работы ушли вниз по реке и вверх. Около конторы не было ни ограды, ни загородки. Отдельно стояли амбары с разной приисковой снастью и харчами до конюшни. Здание конторы делилось на две половины: в передней жил смотритель с женой, а в задней были людская и кухня. Сейчас под окном кухни, в тени на лавочке сидели штейгер Мохов, уса́тый, с бритым подбородком мужчина, и Миныч, худенький, сморщенный человек из заводских служащих, отвечающий сейчас за коморника и письмоводителя.

— Ну-ка, ходи, Миныч!.. — говорил Мохов, передвигая на игральной доске свою шашку. — Ну, шевели бородой!..

Миныч долго смотрел слезившимися глазами на выдвинутую Моховым шашку, а потом быстро схватил другую шашку, понюхал ее и с торжеством проговорил:

— А я фукаю твою шашку... хе-хе!..

Мохов даже привскочил от изумления. Он,

действительно, прозевал один ход, и теперь вся игра была проиграна.

— Ну-ка, теперь ходи!... Ну, ну...

Мохов долго рассматривал шашки, чесал свой бритый затылок и кончил тем, что перемешал все шашки. Теперь уж Миныч вскочил и даже замахнулся на него своей чахлой ручонкой.

— Это не по игре, Мохов... Так нельзя. За это и в шею попадет!.. Я, брат, шутить не люблю.

Игроки поссорились, поругались и опять принялись играть. У ног Мохова спала черная собаченка, свернувшись. Тимка подмигнул Кирюшке и незаметно бросил камешком в собачонку. Собачонка взвизгнула и заворчала. Она узнала своего врага.

— Ты опять? — крикнул Мохов. — Голову оторву.

— Я, ей-Богу, ничего... — божился Тимка. — Она у тебя бешенная, вот и визжит.

— Ладно, разговаривай... Я с тобой мелкими рассчитаюсь, с озорником.

Мохову нужно было играть, чем Тимка и воспользовался. Он дразнил собаку до того,

что та захрипела. Мохов нисколько раз пытался схватить озорника за вихор, но тот увертывался с замечательной ловкостью. Вдобавок Миныч опять сфукал шашку, и рассви-репевший Мохов бросился за Тимкой. Ему бы пришлось плохо, потому что Мохов уже догнал его, но с крыльца конторы послышался строгий женский голос:

— Мохов, как вам не стыдно! Ведь, вы не маленький.

— А ежели он, Евпраксия Никандровна, дразнит собаку?! Да я его пополам переломлю.

— Перестаньте, не хорошо; вы такой большой и готовы драться с мальчуганом.

Кирюшка испугался, когда увидал «барыню». Он, вообще, боялся всяких господ и хотел незаметно улизнуть, но его остановил тот же женский голос.

— Мальчик, подойди сюда... Ты чей?

— Ковальчук...

— Внучек Елизара?

— Да...

— Я что-то тебя не видала. Недавно на при-иске?

— Первый день.

— Подошел Миныч, погладил Кирюшку по голове и проговорил:

— В школу бы, сударыня, его определить. Самый раз учиться да учиться... Семья бедная, — вот и его вывели на работу. Трудно будет такому маленькому.

Кирюшка стоял и смотрел на барыню во все глаза. Ничего подобного он еще не видал: волосы острижены по-мужичьи, в очках и курит папиросу, как Мохов.

— Кирюшка, пора домой!.. — издали крикнул Тимка.

Когда они опять бегом возвращались домой, Тимка объяснил приятелю:

— Видел нашу барыню? Она только называется барыней, а сама солдатка... Все солдатки цыгарки курят. А ничего, добрая, даром что солдатка. Баб все лечит и ребятишек тоже. По праздникам ребятам пряников дает.

Вторая половина дня прошла так же, как и первая. Кирюшка, уже знал все порядки и старался ездить так же, как Тимка. Отшабашили поздно, когда закатилось солнце. Дедушка опять «доводил» платину и только покачал

головой, когда собрал бурый, тяжелый песочек на железную лопаточку.

— Эх, плохое твое счастье, Кирюшка, — заметил он. — А я думал, — мы с тобой заробим на другую лошадь. Придется, видно, подождать.

IV.

Приисковые дни идут быстро и мало чем отличаются один от другого. В какую-нибудь неделю Кирюшка освоился со своим новым положением настолько, что был на прииске, как у себя дома. Вместе с Тимкой он обошел все работы. Везде работали старатели, и все они жили так же, как Ковальчуки и Белохвосты. Вся разница заключается только в том, что у некоторых «шла» платина, а остальные работали из-за хлеба на воду. Впрочем, счастливых было не много, хотя все и говорили только о них, преувеличивая их богатство.

— У нас тоже пойдет платина, — хвастал Тимка. — Мохов-то приходится нам сватом, ну, значит, какую делянку хотим, — ту и берем.

Старатели завидовали Белохвостам, пользовавшимся своим родством со штейгером. Но пока из этого родства ничего не выходило. Белохвосты переменили уже несколько делянок, а платина все-таки не шла. На одной делянке вышла самая обидная история. Рядом

взял делянку самый бедный старатель, Афоня Кануснк, у которого не было даже лошади, и он работал только вдвоем с женой. И вдруг у этого Канусика «объявилась богатая платина». В каких-нибудь две недели он заработал целое состояние — рублей двести. Сейчас же явилась, конечно, лошадь, нанята работница, и Канусики «встали на ноги», как говорят на промыслах. Рядом, на делянке Белохвостов ничего не было, и они рвали и металы.

— Вы бы платину-то поискали в карманах у свата Мохова, — подшучивали над ними другие старатели. — Нам што дадут, то и берем, а вы работаете на выбор.

Старик-Белохвостов ругался и гнал старателен в три шеи.

Свои хозяйские работы поставлены были только в одном месте, под горой Момынихой. Здесь работала «машина», так называемая чаша Комарницкого. Она приводилась в движение парой лошадей, крутившихся без конца около своего столба. Погонщиком стоял при них тот самый Егорка, которого Тимка периодически ходил колотить. Дело в том, что Егорке нельзя было ни на одну минуту оставлять

лошадей, чем Тимка и пользовался. Он бросал в Егорку комьями свежей глины, подхлестывал своим кнутиком, а то запускать камнем. Егорка сгорал от желания защитить свою честь и отколотить разбойника, но остановить машину было нельзя ни на одну минуту.

— Егорка, вылезай!.. — кричал Тимка, — я тебе покажу, как вашего брата по шее колотят.

Кирюшке не нравилась эта травля. Он, вообще, отличался миролюбивым характером и постоянно сдерживал драчуна Тимку, который тоже не был злым, а любил подурочить-ся.

Промывка платины на машине происходила самым несложным образом, как и на старательских вашгердах, хотя и в значительно больших размерах. Основанием всего служил громадный котел из продырявленного котельного железа, заменявший грохот. В него сваливалось песку несколько десятков пудов. Перемешивался этот песок в чаше особыми пестами, вращавшимися на крестовине. Промытый песок и глина уносились точно так же по деревянному шлюзу, как и на вашгерде, и

так же платина оставалась в «головке» этого шлюза вместе с черными шлихами. Машина перерабатывала столько, сколько не сработать на тридцати вашгердах, в чем и заключалось ее преимущество.

Самое интересное время на промыслах наступало в субботу вечером, когда кончалась недельная работа, и все рабочие собирались с своими железными кружками у приисковой конторы. Каждый торопился поскорее сдать намытую платину. Приемка происходила на крыльце, где за столом сидел смотритель прииска, Федор Николаич, чахоточный, длинный господин, ходивший в поддевке и красной рубашке-косоворотке. Вешал золото штейгер Мохов, а Миныч записывал в книгу. Федор Николаич вызывал сдатчика и уплачивал деньги.

— Афанасий Канусик... шестьдесят четыре рубля.

В толпе происходило движение. Этому Канусику везло какое-то бешеное счастье. Особенно роптал старик Белохвост, точно Канусик намыл его платину. Другие завидовали молча. Что же, кому Бог пошлет какое сча-

стве!.. Некоторые угнетенно вздыхали, почесывая в затылках. Находились шутники, которые поддразнивали сердившегося Белохвоста.

— Давал ты ошибку вместе с сватом Моховым... Што бы тебе делянку-то рядом занять. Всего-то десяток сажень подальше.

— А кто его знал, братцы, — оправдывался Белохвост. — Я и сам думал взять делянку... Ей-Богу, думал! Мохов же и отсоветовал, чтоб ему пусто было.

— Обманул он тебя, а еще сват называется.

Приисковым ребятам сдача платины была настоящим праздником. Они шныряли в толпе, как воробьи, везде лезли, получали иногда здоровые толчки и чувствовали себя счастливыми. Впереди было целое воскресенье, когда не нужно было возить песок. Особенно торжествовал и дурачился Тимка. Для субботы он мирился даже с Егоркой, который, в свою очередь, тоже прощал ему всякие прегрешения. Они теперь вместе дразнили собаку Мохова, которая называлась Крымзой.

— Пойдем, солдатку подразним, — предлагал Тимка.

— Я боюсь, — отказывался Егорка. — Пусть Кирюшка идет.

Кирюшка тоже отказался. Это до того возмутило Тимку, что он схватил камень и запустил им в непокладистого товарища. Камень угодил прямо в глаз, так что Кирюшка громко вскрикнул и присел, схватившись руками за лицо. На его крик сбежались бабы, а Дарья так запричитала, что Кирюшка подумал, что он уж умирает.

— Ах, батюшки, батюшки... — голосила Дарья не своим голосом. — Убили мальчонку до смерти. Куда я с ним, с кривым-то денусь? Ой, батюшки... Да не разбойник ли Тимка!.. Убить его мало, озорника...

На шум и крик собравшейся толпы в окне показалась «солдатка» и, когда узнала в чем дело, велела привести Кирюшку к себе в комнату. Она раскрыла ушибленный глаз, начавший затекать багровой опухолью, внимательно его осмотрела и успокоила Дарью:

— Ничего, Дарья... Глаз цел. Я сейчас сделаю примочку из арники, и все через неделю пройдет.

Кирюшка горько плакал от боли, главным

образом, — от испуга.

— Какой он маленький, — удивлялась Евпраксия Никандровна, делая компресс. — Ведь, это внучек дедушки Елизара?

— Он самый...

— Совсем еще ребенок.

Она его гладила по спутавшимся волосам и невольно любовалась, — такой славный мальчишка, и рожица умная.

Эта сцена закончилась совершенно неожиданным предложением Евпраксии Никандровны:

— Отдайте нам мальчика, Дарья.

— Как же это отдать, барыня? — удивилась Дарья.

— А так... Пусть живет у нас. На приисковой работе вы совсем замучаете такого малыша, а у нас ему будет хорошо. Нам все равно нужно мальчика... Он шутя бы научился грамоте, потом мы его определили бы в контору...

— Что вы, барыня! Куда уж нам, мужикам...

— А вы подумайте хорошенько, посоветуйтесь со своими.

В первую минуту такое предложение показалось Дарье совершенно нелепым, и ей сделалось почему-то страшно жаль Кирюшку. Сейчас хотя и бедно жили, но жили одной своей семьей, а тут приходилось отдавать родное детище в чужие люди, точно сироту. Дарья даже всплакнула, когда представила себе Кирюшку не дома. Но потом, раздумавшись, она усомнилась в своей правоте и передала все мужу. Парфен сначала не понял, что это значит, а потом проговорил:

— Конечно, Кирюшке там будет лучше. Уж это што говорить. Штейгером может быть, как Мохов. А только оно тово... дело совсем особенное... Надо с родителем переговорить, как уж он вырешит.

К удивлению Дарьи, дедушка Елизар страшно рассердился и даже затопал ногами.

— Это еще што придумали, выдумщики? Попадет Кирюшка в контору и будет второй Миныч... Не хочу!. И слышать не хочу... Вы польстились на легкое житье, дескать, будет есть в волю, работы никакой — в том роде, как барин. А я вот и не хочу... Пусть остается мужиком... Так уж ему на роду написано. Да...

Ишь чего захотели, выдумщики!

Парфен, по обыкновению, угрюмо молчал, а Дарья взъелась:

— И никто ничего не говорил... Вот нисколичко. Барыня сказала, а мы ничего не знаем. Она пожалела Кирюшку. Только и всего... Твоя воля: как хочешь, так и делай.

— Барыня, барыня... Сегодня ваша барыня сидит в конторе, чай пьет, а завтра и след ея простыл. Куда мы тогда с Кирюшкой денемся, ежели он от мужиков отстанет, а к господам не пристанет? Не хочу, одним словом... Пустое.

— Ступай сам и говори с барыней.

— И скажу... Мое, не отдам.

Кирюшка слышал весь этот разговор и понял только одно, что дедушка сердится. Конторы он побаивался, как волостного правления. Это был чисто детский страх.

Дорога с Авроринского прииска в Висим очень красива. Сначала — горный перевал к деревушке Захаровой, а потом уже по заводской дороге — всего верст десять. Захарово состояла всего из одной улицы, да и та наполовину пустовала: часть изб стояла заколоченная, а на месте других остались одни пустыри.

— Дедушка, здесь пожар был? — спрашивал Кирюшка, не выдавший еще такой картины разорения.

— Около того... После «воли» половина Захаровой ушла в Оренбургскую губернию. Не захотели заводской да приисковой работы, а захотели есть свой крестьянский хлеб.

— Им лучше, дедушка?

— Хорошему человеку везде хорошо... Из Висима тоже уехали тогда семей с полтораста... Которые вернулись... Не поглянулся свой-то хлеб, особенно бабам, потому как по крестьянству всего тяжелее бабе. Много тогда поразорилось народу. Которые так и совсем нищими воротились. Ох-хо-хо!

Под Захаровой у речки оставались громадные свалки и отвалы выработанного платинового прииска Рублевик. Все понемногу покрывалось травой и мелкой лесной порослью. Проезжая через речку по крутому деревянному мосту, дедушка Елизар тяжело вздохнул и проговорил:

— Ох, много было пороблено на этом самом Рублевике, Кирюшка... Тогда мы были еще господские — работали на барина. Строго было, страсть.. А платина какая шла, — нынче такой платины и во сне не увидишь. В шапке принесешь песку — и то золотник намоешь. Страшенное богатство было... Самородки попадались по фунту и больше, тоже на Рублевике. Другого такого места и не найти. У нас на Мартьяне разве платина? — Так, кот наплакал.

Дедушка и Кирюшка ехали в таратайке, а остальные шли пешком. Все торопились, чтобы поспеть домой за-светло. Бабушка Прасковья, поди, уж ждет с баней. По дороге попадались другие старатели, тоже торопившиеся домой.

— Ну-ка, Кирюшка, погоняй коня, — гово-

рил дедушка, когда они поднялись от Рублевика в гору. — Пока другие бредут, мы успеем и в баню сходить.

Чалко точно понимал, что говорят, и сам прибавил шаг. Когда таратайка бойко показилась по широкой заводской дороге, у дедушки Елизара только голова тряслась. Кирюшка стоял на ногах, оглядывался и смеялся. Он забыл про свой подбитый глаз.

— Ох, всю душеньку вытрясет! — жаловался дедушка, хватаясь за грядки таратайки. — Ты камни-то объезжай, Кирюшка.

Дорога шла сосновым леском, потом поднялась в горку, потом опустилась в лужок, потом обогнула какой-то увал и круто спустилась к горной речонке Висиму, огибавшей Пугину гору. Дальше пошли по сторонам уже покосы, а лес остался далеко в стороне.

Висимо-Шайтанский завод раскидал свои домики на месте встречи трех горных речек — реки Висима, реки Утки и реки Шайтанки. Он занимал горную котловину и показывался только с последней возвышенности. Все три речки соединялись в одну, которая шла дальше под названием Утки. Река Шай-

танка образовала главный или старый заводский пруд, кругом которого расселились кержаки, как называют в горных заводах староверов. На правом берегу пруда лежала Нагорная улица, а на левом — Гнилой конец и Пеньковка. Сейчас за прудом поднималась отлогая, покрытая покосами Кокурникова гора. Реки Утка и Висим сливались в новый пруд, устроенный недавно. Здесь река Висим делила селенье на два конца — Туляцкий и Хохлацкий. Староверы были первыми заводскими поселенцами, а хохлы и туляки были «пригнаны» на Урал только в тридцатых годах настоящего столетия. Собственно, завод, т.-е. доменная печь и фабрика залегли в глубокой яме под плотиной старого пруда. Издали вид на завод был очень красив, как и на другие Уральские заводы.

Изба Ковальчуков стояла в хохлацком конце, — переехать деревянный мост через реку Висим, взять в гору налево, где стояла печь для обжигания извести и повернуть в улицу.

— Ну, вот мы, слава Богу, и дома... — проговорил дедушка Елизар, с трудом вылезая из таратайки. — Ох, всю поясницу разломило!..

Ворота им отворила приемыш Настя, худенькая, черноглазая девочка с русой косой хвостиком.

— Поворачивайся живее! — грубо крикнул на нее Кирюшка, подражая своему приятелю Тишке.

Настя покраснела от натуги, отворяя тяжелые ворота, но ничего не ответила. Она еще не привыкла к новой семье и всех боялась.

— Баня готова, Настюшка? — спрашивал дедушка, охая.

— Бабушка Прасковья истопила... — то-неньким голоском ответила девочка, переминаясь босыми ногами.

Изба у Ковальчуков была незавидная, особенно по такой большой семье. В передней избе жили старики и ребята, а в задней — молодые. Всем было тесно, а выделить молодых было не на что. Так и перебивались из года в год, Старый сарай давно уж валился и требовал починки, но тоже «руки не доходили», как говорил дедушка. И баня была старая и совсем вросла в землю. Бабушка Прасковья, сторбленная и сморщенная старуха с слезившимися глазами, всегда что-то ворчала себе

под нос и вечно охала. Она встретила приехавших не особенно приветливо и точно удивилась, что они взяли да и приехали. Впрочем, внучка Кирюшку она любила.

— Ну, что, старатель? — спрашивала бабушка, глядя его по голове. — Отведал приискового житья? Што это у тебя глаз-то?

— Ничего, бабушка...

— Поглянулось?

— Еще как... Лучше не надо.

— А глаз-то это у тебя што? Вот наказание!..

— Это, видно, гостинец... — пошутил дедушка.

Глаз у Кирюшки припух, а над глазом образовался большой синяк. Бабушка Прасковья только покачала головой. Изувечат парнишку ни за что, а куда с ним, с кривым-то? Ах, ты, грех какой! Уж эти парни всегда так, с гостинцами, не мало их износил хоть тот же Ефим, пока вырос.

Дедушка парился в бане до беспамятства. Зимой он выскакивал из бани и валялся прямо в снегу, а потом опять бежал париться. Сидя на полке и похлестывая веником, старик

говорил:

— А я тебя, Кирюшка, в контору не отдам... Ни-ни!.. Будь ты мужиком, и конец тому делу... Слышишь?

— Слышу, — отвечал покорно Кирюшка, не могший себе даже представить, как бы он стал жить в конторе, и что бы стал там делать. — Я и сам не пойду в контору, дедушка.

— Вот молодец... завтра пряник куплю.

Утром рано поднялись все, кроме Кирюшки, который проспал до того времени, когда заблаговестили к обедне. Его разбудил дедушка.

— Пойдем в церковь, Кирюшка... Будет спать-то.

Кирюшка наскоро умылся и переоделся по-праздничному, т.-е. в новую ситцевую рубаху. Шапки и сапог не полагалось. Из Туляцкого и Хохлацкого концов народ так и валил в церковь. Мужиков было не много, а шли бабы и ребята. Старики между заутреней и обедней сидели около церкви или на базаре. Небольшая деревянная церковь стояла на площади, которая образовалась между двумя прудами. Торговлю на базаре открывали только после

обедни. По дороге к церкви дедушка здоровался направо и налево. Все были знакомы между собой, кроме того, не мало попадалось и разной родни. Всех жителей в Висиме считалось около трех тысяч, и все знали друг друга в лицо, особенно старики. День был ясный, и народу в церкви набралось полно. Кирюшка любил с дедушкой бывать у обедни. Как-то, и праздник не в праздник, если не сходить в церковь. Попадались знакомые ребята, которые дразнили Кирюшку:

— Эй, ты, старатель, шапку потерял!.. Где это тебе глаз починили?

— Кирюшка, не подавись платиной-то!.. Давай, другой глаз поправим...

Мальчишки задирали Кирюшку, и ему очень хотелось подраться, но при дедушке приходилось терпеть. Он довольствовался тем, что показывал озорникам свой кулак.

В церкви уже служба началась, когда они пришли. На правом клиросе дребезжащим, старческим голосом читал и пел один дьячек, Матвеич, сгорбленный старик с двумя смешными косичками на затылке. Народу было столько, что руку просунуть негде. Дедушка

едва продрался до прилавка старосты, чтобы отдать свой пятак на свечку.

— Господи, помилуй нас грешных... — шептал дедушка, кладя земные поклоны.

Кирюшка мало молился, а больше смотрел по сторонам. Все были разодеты по-праздничному, особенно бабы. У стариков лица были такие строгие. Когда ребятишки продирались вперед, их оттискивали без всяких церемоний. На левом клиросе стояли двое заводских служащих и волостной писарь, а на правый к Матвеичу присоединились два поповича и штейгер Мохов, подпевавший басом. Кирюшке все это нравилось, он старался молиться вместе с дедушкой.

После обедни дедушка дождался священника и о чем-то долго с ним разговаривал. До Кирюшки долетели только последние слова священника:

— А ты не сомневайся... Смело отдай. После спасибо скажешь.

Дедушка мялся, перебирая в руках свою шляпу. Он несколько раз встряхивал головой, а потом проговоришь:

— Уж и не знаю, как этому делу быть...

VI.

Из церкви дедушка Елизар прошел на базар, где лавки были уже открыты, и толпа народу все прибывала. Особенно много набралось из Кержацкаго конца. Староверы, главным образом, работали на фабрике или в куренях и щеголяли в халатах из черного сукна и в шелковых шляпах-цилиндрах. На приисках их было очень мало. Базар состоял всего из одного ряда лавок, а затем из мелких лавченок, ларей и просто столов, на которых разложены были разные разности: горшки, пряники, веревки, обувь.

Дедушка Елизар отправился к знакомому торговцу, Макару Яковлевичу.

— Здравствуй, Макар Яковлич...

— Здравствуй, Елизар... Что, должок принес?

— Плохо платина идет...

— У вас все плохо...

Старик замялся. Ему было и совестно, и нужно было прикупить харчу на целую неделю, а денег на уплату долга не оставалось.

— Повремени с долгом-то, Макар Яковлич.

Рассчитаемся как-нибудь...

Макар Яковлевич, худенький краснощечный торговец с длинным носом, маленькими глазками и гнилыми зубами, поломался немного, а потом согласился отпустить товар.

— С вами проторгуешься насквозь, — ворчал он. — Ну, чего будешь братъ?

— Известно, чего... Крупы надо, соли надо, муки, соленого моксуна...

На последнем слов язык дедушки Елизара запнулся, точно колесо, наскочившее на камень. Ведь соленый моксун стоит все 25 копеек, — это уж было роскошью. Тоже вот надо бы взять солонинки, потом старуха наказывала купить горшок, у Анисьи башмаки изнасились. — словом, целая гора всевозможной мужицкой нужды. Пока дедушка Елизар разбирался с харчем и рассчитывался с Макаром Яковлевичем, народ столпился у лавки с красным товаром. Слышались галденье, шутки и смех.

— Афоня Канусик красного товару набирает!

— Братцы, смотрите, как Афоня весь базар купить.

У прилавка с красным товаром, действительно, стоял Афоня Канусик, сконфуженный и не знавший, куда ему деваться. Он убежал бы из лавки, если бы не жена, которая его удерживала за рукав.

— Режь ситцу на сарафан, — говорила она, не обращая ни на кого внимания. — Да еще надо кумачу на рубаху, да башмаки новые, да иголку...

Последнее требование заставило всех хотать.

— Канусиха, а ты уж две иголки сразу покупай. За-одно зориться-то...

Всем было весело, и толпа росла, пока торговец не прогнал всех.

— Чего вы не видали? Уходите... Завидно, вот и пристаете. Тоже, нашли потеху... Сам-то все норовят в долг забрать.

Дедушка Елизар тоже стоял в толпе и только качал головой. — Экой глупый народ, подумаешь... Лезут, как мухи. — Старик все думал о своем разговоре с батюшкой и потряхивал головой. Мысли в его голове двоились, — как-будто и так хорошо, и этак хорошо.

— Дедушка Елизар, — окликнул его осто-

рожный голос.

Это был охотник Емельян. Он был в таких же лохмотьях, как всегда, несмотря на праздник. Отведя Елизара в сторону, он уж шопотом проговорил:

— Пойдем к дьячку Матвеичу потолковать... Дело важнее...

— Что же, пойдем. — согласился старик.

— Он сейчас выйдет из церкви. Ребят крепят.

Они остались на базаре дожидаться. Героями торгова были те старатели, у которых платина шла хорошо — Шкарабуры, Сотники, Кисляковы, Шинкаренки. Они набирали и харчей и разного «панского» товару — чекмени, лошадиную сбрую, сапоги, платки бабам, ребятам гостинцы. Дедушка Елизар смотрел на них и только вздыхал. — Эк, подумаешь, люди как деньгами сорят. Не даром говорится, что у денег глаз нет. Старик опять вспомнил про свою вторую лошадь и совсем закручинился.

— Вот он, Матвеич-то... — шепнул ему Емельян.

Дедушка Елизар купил Кирюшке обещан-

ный пряник и отправил его с покупками домой.

Матвеич усталой, разбитой походкой шагнул через площадь к себе домой, подбирая полы распахивавшегося нанкового подрясника. Дедушка Елизар и Емельян догнали его у ворот длинного деревянного флигеля, где помещался причт заводской церкви: — о. дьякон, просвирия и дьячок.

— Матвеич! а мы к тебе... — проговорил Емельян.

— А... — отозвался Матвеич, глядя на них серыми глазами с удивительно маленьким зрачком. — Милости просим.

По пути он достал берестяную табакерку и предложил гостям. Дедушка Елизар отказался, а Емельян с каким-то ожесточением набил себе нос.

— Хорош табачок... Сам делаешь, Матвеич?
— Сам...

Они прошли длинный двор и по деревянной лестнице поднялись в квартиру Матвеича. Это была одна большая комната, разделенная деревянными перегородками на три. В передней, заменявшей кабинет и мастерскую,

на стене висели два ружья и небольшой, деревянный шкаф с разной снастью. Это была самая любимая комната Матвеича, потому что из ее окна открывался вид на горы, — впереди стояла зеленая Шульпиха, за ней виднелись Седло, Осиновая и Кирюшкин-Камень; Белая была закрыта Шульпихой.

Матвеича уже ждал кипевший самовар. Емельян пил и ел все, и поэтому с удовольствием выпил две чашки, а Елизар опять отказался.

— Не случилось его пить... — объяснил он. — Да и что пить один кипяток! Жидко очень...

— А ты попробуй...

— Ладно и так.

Матвеич сходил за перегородку, что-то пошептался с женой и послал куда-то младшего сына. Через четверть часа мальчик вернулся с бутылкой водки. Емельян только крякнул и расправил усы.

— А мы к тебе по делу, Матвеич, — объяснил он. — Дельце есть...

— Дело не медведь, в лес не уйдет...

От водки дедушка Елизар не отказался, хо-

тя ему было немного и совестно опивать Матвеича. Бедный дьячок получал меньше, чем заработает любой мужик, и питался только от своего огорода, коровы и охоты. Ему приходилось туго, но Матвеич никогда не жаловался и терпел страшную нужду с достоинством истинного философа. Емельян тоже отличался философскими наклонностями и поэтому тоже не замечал своей вопиющей нищеты. С Матвеичем он был неразлучен и вместе с ним проживал в горах по целым неделям.

После второй рюмки Матвеич снял с себя подрясник и бережно повесил на стенку, — это была величайшая драгоценность в доме. Он теперь остался в одной выбойчатой рубашке, и об его дьячковском звании напоминали только одни косички. Емельян завел разговор о богатых старателях, которые сегодня форсировали на базаре деньгами.

— Обрадовались, дураки... — злился он. — А какие такие деньги на свете бывают, — и понятия не имеют. Да...

— Ну, они-то знают побольше нас с тобой, — заметил Матвеич, он любил подзадо-

ривать завистливого друга.

— А вот и не знают! Да я, если бы захотел, завтра бы богачем сделался...

— Не пугай, Емеля.

— Верно говорю!.. Я бы им показал...

Выпив залпом рюмку водки, Емельян хлопнул дедушку Елизара по плечу и проговорил:

— Хочешь, озолочу, старичок? И не тебя одного озолочу, а всех старателей... Поминайте Емельку. Да...

Матвеич слушал и только улыбался. Очень уж смешно Емелька хвастается. Дедушка Елизар тоже ухмылялся, чувствуя, как у него начинаешь кружиться голова.

— Так обогатишь, Емельян? — спрашивал он.

— И очень просто... Вот и Матвеич скажет. Да-а... Знаешь покос Дорони Бородина на Мартьяне?

— Кто его не знает...

— Ну, так тут тебе и богатство... Хоть руками бери платину. А вы одно долбите: Шкарабуры, Шинкаренки, Канусик... тьфу!... Так, Матвеич?

Матвеич только покачал головой.

— На покосе у Дорони Бородина? Тоже и скажет человек...

— Да я же тебе говорю... Вот сейчас с места не сойти! — клялся Емельян. — Прямо богатство...

— Пустяки, — сказал Матвеич. — Ты думаешь, до тебя никто и не пробовал? Весь Мартьян обшарили... Не положил, — не ищи.

Емельян окончательно рассердился, схватил шапку и, не простившись, ушел.

— Не от ума человек болтает, — заметил Матвеич. — Сон приснился, а он богатство. Пустяки... Уж я ли не знаю Мартьян? Слава Богу, сто раз по нему прошел... Сколько шурфов брошенных по нему. Тоже, добрые люди старались...

Когда дедушка Елизар возвращался от дьячка домой, ему было вдвойне совестно: и дьячка опивал зря, и дела никакого не вышло. Напутал Емелька, только и всего.

— Поверил человек, — корил самого себя старик. — Дело...

Старик останавливался, укоризненно качал головой и вслух читал наставления само-

му себе:

— Кому поверил-то? Емельке... Самый непутевый человек. Стыдно, Елизар, седая твоя борода. Вот как стыдно... Разве я не знаю покоса Дорони Бородина? Хе-хе... Сам-то Емелька золотника платины не добыл, а других, говорит, обогачу. В самый раз обогатить... Э-эх! Елизар, не хорошо...

VII.

Дома дедушку Елизара ждала новая беда. Дарья рассказала все бабушке Парасковье, как барыня на Авроринском прииске просит Кирюшку себе, и как заартачился старик. Женщины со всех сторон обсудили этот вопрос и решили, что старик просто дурит.

— Сбесился наш старик! — говорила бабушка Парасковья. — Ему ладно, прожил свой век, а ведь Кирюшке еще жить да жить надо...

— Свекровушка, ведь, он может штегерем потом быть, — объясняла Дарья. — Ей-Богу... Все равно, как сейчас Мохов.

— Штегерем!..

Бабушка Парасковья всплеснула руками. О таком счастье она не могла и мечтать. Ну, не сбесился ли старик?

Именно в разгар этих разговоров и вернулся дедушка Елизар. Бабушка Парасковья только взглянула на него и окончательно рассердилась:

— Да он совсем пьяный?! Ох, пропади моя головушка!..

— Я-то пьян? — бодрился дедушка Елизар,

стараясь принять строгий вид. — Ничего вы не понимаете, потому как есть вы бабы... хе-хе!.. Пьян да умен — два угодья в нем. А Емелька дурак... да... то-есть самый круглый дурак! Сейчас с места не сойти...

— Ты вот больно умен у нас, — ворчала бабушка Парасковья. — С какой это такой радости водки проклятой напился?

— А с такой...

— Емелька-то, известно, дурак, а ты с чего это связываешься с ним?

— Дело было... Ничего вы не понимаете.

Дедушка Елизар пришел опять в хорошее настроение и только отмахивался рукой, точно отгонял муху.

Потом бабушка Парасковья и Дарья заговорили разом. Обе так и наступали на старика. Сначала дедушка Елизар решительно ничего не мог понять, в чем дело, а потом уж сообразил, что говорят о Кирюшке.

— Эге! Так вот вы как со мной разговариваете?.. — рассердился он, размахивая рукой. — Со мной... а?

— Ты бы то подумал, как мы перебиваемся да колотимся, — жаловалась бабушка Парас-

ковья. — Опять в долг набрал харчей. Дома-то хоть шаром покати... Добрым людям праздник, а у нас все нет ничего...

— Ну, ну, говори?

— И скажу... Все скажу. Как Кирюшку захотела барыня в люди вывести, так ты и остребенился. По крайности, сыт и одет будет, и притом в тепле... Осенью-то заколеет парнишка на вашей работе. Тоже жаль ребенка... Не велико место.

Дедушка Елизар сел на лавку. Дарья стояла у окна и плакала. С полатей свешивалась голова большака Парфена. При отце сыновья не смели говорить.

— Позови сюда Кирюшку... — проговорил, наконец, старик.

Дарья побежала на улицу и привела Кирюшку, который немного струсил и остановился, на всякий случай, поближе к двери.

— Подойди сюда, Кирюшка, — позвал его дедушка.

Он обнял его, погладил по голове и проговорил:

— Ну, а ты как думаешь, Кирюшка? Остаться тебе в мужиках, али господский лег-

кий хлеб есть?

— Не знаю... — плаксиво ответил Кирюшка.

— Ах, Кирюшка, жаль мне тебя... Вот как жаль!.. Ну, а теперь кончено... Спать хочу.

Что «кончено», — дедушка так и не сказал. После обеда он, по обыкновению, завалился спать, а вечером куда-то ушел. Бабушка Парасковья и Дарья шушукали между собой потихоньку. Анисья надела новый сарафан и новый платок и ушла в хоровод, игравший на горке у «известки». Кирюшка бегал по улице с ребятами.

На другой день ранним утром вся семья отправилась на прииск. Настя опять стояла у ворот и провожала их печальными глазами. Ей было скучно оставаться с бабушкой Парасковьей, которая вечно ворчала и охала. Дедушка Елизар был сердит и ни с кем не говорил. В такие минуты к нему никто не подступался. Он все поглядывал на Кирюшку, качал головой и бормотал:

— А жаль... И как еще жаль-то!... Одна задача.

Когда они были уж близко около Захаро-

вой, начался дождь, смочивший всех до нитки. Особенно плохо доставалось женщинам, у которых подолы сарафанов облипли желтой глиной. К своей делянке приходилось ехать мимо приисковой конторы на Авронинском. «Солдатка» сидела на крыльце за самоваром и подозвала к себе дедушку Елизара.

— Ну, что, старик, отдаешь мне мальчика? — спросила она.

Старик по заводской привычке снял шляпу и ответил не вдруг.

— Мы его грамоте выучим, — объясняла «солдатка», раскуривая папиросу.

— Так-то оно так, сударыня-барыня, а только вы изведете парнишку. Отвыкнет он у вас от настоящей мужицкой работы.

— Как знаешь. Я силой не желаю брать...

Вышел Федор Николаевич, покашлял, — он постоянно кашлял, — и проговорил:

— Мальчику будет лучше...

Дедушка Елизар думал еще два дня. Как на грех, началось ненастье. Все работали мокрые. Кирюшка корчился от холода на облучке своей таратайки и походил на цыпленка, вытащенного из воды. Главная беда заключа-

лась в том, что и обсушиться за ночь было негде. В землянке стояла тяжелая сырость. Ребенок Марьи неистово кричал целых две ночи. Дедушка Елизар продолжал думать, и только на третий день сказал:

— Кирюшка, оболокайся.[1]

Они пошли к конторе. Кирюшка шлепал по грязи босиком и дрожал от холода. Навстречу им попался штейгер Мохов, ехавший верхом. Дедушка Елизар остановился и долго смотрел ему вслед. Вот напрасно человек гоняет лошадь. Не велик барин, мог бы по промыслам и пешком пройти. Небось, сапоги со скрипом жалеет. У старика опять мелькнула заветная мысль о второй лошади.

В конторе была одна «солдатка». Федор Николаич ушел посмотреть машину, у которой что-то испортилось.

— Надумал, дедушка? — спросила Евпраксия Никандровна.

— Я-то не надумал, а так уж, видно, судьба... Жаль тоже мальчонку, как он мокнет под дождем. Мало еще место...

— Вот и отлично. А как глаз? Ух, какой здоровый синяк!.. Хочешь у нас жить, Кирюшка?

— Не знаю...

— Потом все узнает, — ответил за него старик. — Глупо еще...

— Он будет жить в одной каморке с Миным, т.-е. спать, а днем — у нас. Дело найдется...

— Уж как знаете, сударыня. Чуть што, так вы его дерите...

«Солдатка» только улыбнулась.

— Зачем же драть, дедушка? Человек не скотина, да и скотину не хорошо бить.

Кирюшка стоял у крыльца и не понимал, что происходит.

— Ах, он совсем мокрый! — ужаснулась «солдатка».

Она позвала кухарку Спиридоновну и велела ей переодеть мальчика в старую рубашку Федора Николаича, в его сапоги и пиджак. Кирюшке все было не в пору, и он вышел на крыльцо очень сконфуженный.

— Ничего, это пока... — объясняла «солдатка», улыбаясь. — Хоть все и не в пору, а все-таки лучше мокрого.

Потом она вынесла стаканчик водки и подала дедушке Елизару. Старик покачал голо-

вой, но выпил с удовольствием. Он уже третий день ходил и спал весь мокрый. Водка подействовала на старика, и он присел на лешенку и разговорился.

— Плохая у вас платина идет, дедушка? — спрашивала «солдатка».

— Не то штобы совсем плохая, а только, значит сила не берет...

Дедушка заговорил о второй лошади с таким увлечением, как говорят только о самом дорогом человеке. Евпраксия Никандровна слушала его внимательно и только удивлялась, от каких пустяков иногда зависит благосостояние целой семьи.

— Да, ведь, лошадь стоит всего тридцать! — проговорила она.

— И за двадцать можно купить. Вот только нет их... Маемяся всей семьей, а обработать лошадь не можем. Только-только тянемся из-за хлеба на воду.

— Вот у других идет хорошая платина.

— Это уже кому Бог счастье пошлет. Все от Бога..

Пришел с машины Федор Николаич. Он тоже промок и посмеялся над Кирюшкой.

— Оставьте его, — говорила «солдатка». — Он смущается. Мы завтра же со Спиридоновой сошьем ему рубаху.

Дедушка еще раз рассказал Федору Николаичу о второй лошади и все качал головой.

— Да, действительно, с двумя лошадьми работа куда скорее, — согласился Федор Николаич, шагая по крыльцу как журавль.

Возвращаясь в свою землянку, дедушка Елизар все время встряхивал головой и бормотал что-то себе под нос. Ему навстречу опять попался ехавший верхом Мохов. Старик опять остановился и начал думать вслух:

«Хорошая лошадь у Мохова, а только ни к чему... В самый раз ему только пешком ходить».

Дома старик объяснил Дарье, что определил Кирюшку «на службу». Дарья заплакала.

— Вот ты и сообрази с бабами, — рассердился дедушка Елизар. — Дома-то с бабушкой поедом меня ели, а как сделал по-ихнему, — сейчас реветь...

VIII.

Всю первую неделю своей жизни в конторе Кирюшка находился точно в тумане, потому что ничего не мог понять. Это был совершенно другой мир, где все было по-своему, и даже слова имели другое значение. Например, — «солдатка» читала какую-нибудь книжку или что-то пишет, а потом потянется и усталым голосом проговорит:

— Ух, как я заработалась, Федя...

Сначала Кирюшка думал, что она шутит, а потом увидал, что нет. Даже охнет другой раз «солдатка» от своей «работы», а Кирюшке смешно. Какая же это работа, в самом деле? Вот ежели бы «солдатку» к вашгерду поставить со скребком или заставить пески возить в таратайке целый день, — вот это работа. Потом удивляла Кирюшку господская еда: — и чай каждый день пьют, а сахар валят в стаканы целыми кусками, и белый хлеб всегда на столе, и за обедом всегда говядина и яйца. Кирюшка понял, что Федор Николаич страшно богат, богаче всех на приiske и в Висиме, и просто не знает, куда девать деньги. Ведь,

этак совсем можно проесться в одну неделю... Кирюшка невольно припоминал, как мать усчитывала каждую корочку хлеба и каждую ложку варева, как дедушка Елизар забирал в долг харчи и тоже рассчитывал каждый грош, а тут «ешь не хочу». Кирюшка даже спросил Миныча о несметных богатствах смотрителя.

— Какое богатство? — удивился Миныч и даже рассердился. — Такие же богачи, как и мы с тобой. Ничего у них нет... На жалованье живут, и тоже свои долги есть.

Очевидно, Миныч хитрил и скрывал от Кирюшки, потому что одного жалованья в месяц Федор Николаич получал семьдесят рублей, а на эти деньги дедушка Елизар купил бы четырех лошадей. Какое же еще богатство? Ясно, что Миныч притворяется, — может быть, не хочет сказать правды. Вторую неразрешимую загадку для Кирюшки составляло то, что Федор Николаич такой худой. По ихней господской еде нужно бы быть толстым, как бочка, а он — в чем душа держится. Кирюшка первую неделю накинудся на господскую еду с таким азартом, что кухарка

Спиридоновна постоянно ворчала.

— И во што только ест, пострел! Большому мужику столько не сесть, а Федору Николаичу и в три дня не одолеть...

— Пусть отъедается, — упокоивал ее Миных. — Потом сам отвалится... Это он с голодухи напал.

«Солдатка», напротив, даже любовалась, когда Кирюшка ел. Вот это настоящий аппетит, как и следует быть здоровому ребенку! Глядя на Кирюшку, она сама хотела есть.

Но больше всего удивлялся Кирюшка господам, как они жили между собою. Начать с того, что «солдатка» совсем не боялась мужа. Даже вот нисколько не боялась, а выходило так, что как-будто даже сам Федор Николаич побаивался жены. Не то что побаивался, а как-то так, уступал во всем. За вечерним чаем они часто спорили, и Федор Николаич горячился и начинал кричать тонким голосом. И спорили всегда об одном и том же — о какой-то «женщине».

— Женщина угнетена, женщина порабощена, — говорила «солдатка». — Да, она в полном рабстве...

— Ты преувеличиваешь, Фрося, — спорил Федор Николаич. — Конечно, ей не легко, это правда, но рабства еще нет...

Недоумевавший Кирюшка обратился за разъяснением к штейгеру Мохову, который должен был знать решительно все, потому что не только в Тагиле, но даже в городе жил. Мохов долго соображал и, наконец, проговорил:

— Должно так полагай, што эта самая женщина, т.-е. баба, где-нибудь в Тагиле живет. Барыня-то добрая, вот и жалеет... Кто-нибудь ее, т.-е. эту самую бабу, обидел, а может, и сама виновата.

Когда Евпраксия Никандровна случайно узнала об этом объяснении Мохова, то хохотала до слез, Федор Николаич тоже смеялся до кашля, Кирюшка окончательно ничего не понимал.

— Ах, какие вы глупые! — смеялась «солдатка». — Хочешь учиться грамоте, Кирюшка?

— Боюсь... — откровенно признался Кирюшка.

— Чего же ты боишься, глупый мальчик?

— А драть будешь...

— Кто это тебе сказал? Опять Мохов?

— Он... Его тоже драли... целый год... Он у раскольничьей мастерицы два года учился.

— Скажи ему, чтобы он не болтал глупостей. Я буду заниматься с тобой сама. Понимаешь?

Все-таки Кирюшка страшно боялся грамоты и даже хотел убежать к матери. А тут еще Мохов поддразнивал:

— Это барыня только так говорит, а когда дело дойдет до настоящего, то небо с овчинку покажется. Меня мастерица-то вот как полировала...

— Перестань ты молоть! — вступился Миных. — Только парнишку напрасно смущаешь... Мало тебя, Мохов, мастерица-то лупцовала.

Грамота началась как-то незаметно, и Кирюшка убедился в несколько уроков, что никакой порки не будет, а даже, напротив, — «солдатка» хвалила его и по праздникам давала пряников. Домой в Висим Кирюшка уже не ездил вместе с семьей, да ему и не хотелось. В конторе было веселее. Ему хотелось

только показать дома новые сапоги, пиджак и фуражку, которым все завидовали, а больше всех — Тимка.

— Ты теперь в том роде, как смотрителевой курицы племянник, — дразнил Тимка. — А все я тебя произвел!... Говори мне спасибо, што тогда глаз починил. Надо бы оба за-раз...

Кирюшка жил в крошечной каморке вместе с Минычем. У него была даже кровать, устроенная из досок. Больше всего Кирюшку удивила подушка, которую ему дала Евпраксия Никандровна. Ему не случалось дома спать на подушке. Работа в конторе была самая легкая. Кирюшка чистил платье, сапоги Федора Николаича, ботинки «солдатки», подавал кушанье за обедом, убирал посуду а главным образом состоял на побегушках. Собственно говоря, работы никакой не было, и Кирюшка по целым дням слонялся без всякого дела. Да и у других работы было не много, кроме субботы. Мохов спал по три раза в день, спал до того, что у него «опухли глаза», как говорила Спиридоновна, Миныч, по крайней мере, любил почитать особенно «ведомости», как он называл газету. Обыкновенно,

старик читал вслух, и сначала Кирюшка решительно ничего не мог понять, как ни старался слушать.

— Ну-ка, почитаем, что на белом свете делается, — говорил Миныч, бережно развертывая большой газетный лист. — Тоже живые люди везде живут!..

Подсаживался послушать иногда Мохов и заводил непременно спор. Больше всего Мохов интересовался почему-то турками.

— Ну-ка, поищи, как турки живут? — просил он Миныча. — Хоть бы одного живого турка убить. Самые они нехристи...

— Такие же люди, как и вы, — говорил Миныч. — Только вера другая... Вон наши татары — тоже масульмане, т.-е. Магометова закона. За что же их убивать?

— А вот за это самое... Ежели бы я был царь, так всех бы их в православный закон поворотил. Вызвать турку и сейчас ему: «принимай наш закон, свиное ухо, а то голову прочь». Вот тебе и весь разговор.

Кирюшка был на стороне Мохова и тоже начинал ненавидеть турок, главным образом, потому, что они турки. Потом он ненавидел

«англичанку», эту уже без всякого основания. А там оставались еще немцы, французы и жи-ды, но с ними Кирюшка уже окончательно не знал, что делать. Вообще, его познания увеличивались с каждым днем. Прибирая комнату, Кирюшка с особенным вниманием останавливался перед этажеркой с книгами. Неужели Федор Николаич выучил их всех наизусть, как уверял Миныч? Теперь Кирюшке было понятно, отчего он такой худой. Вон Мохов едва половину Псалтыря выучил в два года, а тут пудов пять книг будет.

К «своим» Кирюшка бегал ранним утром, пока в конторе еще спали. Дарья только качала головой, когда он рассказывал о своем житье. Дедушка Елизар хмурился и молчал.

— Што же им, — известно, господа, — говорила Дарья. — Самая ихняя легкая жисть... Не то што как мы вон колотимся.

— В чужом рту кусок велик, — замечал дедушка, не любивший, когда завидовали кому-нибудь. — Кому что Бог дал, — тот тем и владей.

Платина у Ковальчуков по-прежнему шла так себе, и семья продолжала перебиваться

кое-как. Дарья как ни рассчитывала, а к концу недели едва могла свести концы с концами. Другие старатели завидовали им.

— Устроили парнишку. — лучше не надо. И сапоги новые, и шапка, и одежонка. Прямо, счастье этим Ковальчукам.

IX.

В начале августа начались холодные горные дожди, и Кирюшка только теперь в полную меру оценил свое привилегированное положение. Все приисковые целыми днями мокли на дожде. По вечерам не слышно было песен, веселого говора и смеха. Все ходили сумрачные и недовольные. Тимка гонял на своей таратайке с каким-то ожесточением, вымещая на своей лошаденке скверное расположение духа. У Ковальчуков тоже было не весело. Дедушка Елизар жаловался на спину и на ноги, которые были застужены давно. Особенно доставалось бабам, у которых мокрые сарафаны прилипали к ногам. Они походили на мокрых куриц. Платина у Ковальчуков по-прежнему шла плохо.

— Брошу я приисковую работу, — говорил дедушка Елизар. — Будет, было всласть пороблено.

Другие мужики угрюмо молчали. Что было тут говорить, когда приходилось целые дни колеть на холоде? Главная беда, что и обсушиться было негде, и ложились спать все

мокрые. Мать Кирюшки попробовала было принести в контору к Кирюшке посушить мокрые сарафаны, но кухарка Спиридоновна ее прогнала.

— Тоже от ума баба придумала. Этак-то весь прииск будет обсушивать. Говорила бы спасибо, что Кирюшку воспитываем, а она сарафаны мокрые волокет.

Только один человек не боялся осеннего ненастья, — это охотник Емелька. Он по-прежнему бродил по лесу, ночевал по лесным избушкам и промышлял охотой. Аккуратно, через два дня он приходил в контору на Авроринский и приносил разную «дичину» — рябчиков, глухарей, тетерек. Евпраксия Никандровна очень любила дичь и непременно покупала что-нибудь, чтобы Емелька не обиделся и не перестал ходить.

— Житье тебе, Емелька, — завидовал Мохов. — Как придешь, так копеек тридцать и получишь, а то и всю полтину сцапаешь.

— А порох-то да дробь, поди, денег стоят? — точно оправдывался в своем грабительстве Емелька. — Тоже мокнешь-мокнешь день-то деньской в лесу, ходишь-ходишь, как

грешная душа.

В конторе Емелька обсушивался в коморке у Минина. Ночевать он оставался редко, потому что в тепле как раз еще проспийшь, а птица не ждет. Надо ее ранним утром добывать, когда она кормится по ягодникам. У Емельки на все была своя примета, и кухарка Спиридоновна считала его немножко колдуном.

— Конечно, колдун, — спорила она. — Живет один в лесу, как глухарь. Да я бы померла со страху в одну ночь... Мало ли што поблазнит ночным делом.

Емелька молчал. Он презирал всех баб на свете и не вступал с ними в разговор, не то что спорить. Миныч оживлялся, когда приходил Емелька, и они потихоньку вдвоем пропивали часть вырученных за дичь денег. Миныч, когда выпивал, делался необыкновенно добродушным, усиленно моргал слезившимися глазами, отчаянно набивал нос табаком и без конца что-нибудь рассказывал. Емелька тоже ожесточенно нюхал табак и внимательно слушал.

— И куда только эта самая платина идет, Миныч? — удивлялся иногда Емелька. — Вот

сколько места ископано, а она все уходит куда-то. Кому-то, значит, надобно. Деньги, скажут, из нея не делают.

— Прежде делали, а нынче не делают. — объяснял Миныч. — А идет наша платина за границу, к англичанами. Они из нея разное такое делают.

— Что разное-то?

— А кто их знает... Она строгая, значит, платина, никакой кислоты не боится, кроме царской водки,[2] ну, значит, она и подходит им, англичанам. Федор Николаич сказывал как-то, что англичане даже очень уважают нашу платину, потому как на всем, свете ее больше нигде нет. В Америке малость добывают, так сущие рустяки... Еще сказывал Федор Николаич, что эта самая платина будет дороже золота.

— Ну, уж это он врет, — не верил Емелька. — Как же это можно, чтобы с золотом приравнять? За золото-то по четыре рубля золотник платят, а за платину — всего тридцать копеек. Нет, так, пустое господа болтают... Ну, кому нужна платина? Вот перестанут англичане покупать, и будет всем крышка.

— Тогда немцы будут покупать.

Емельку сильно разбирало сомнение относительно будущности платины. Он продолжал думать о покосе Бородина, где лежали, по его мнению, несметные сокровища. Неудача переговоров у дьячка Матвеича нисколько ни охладила уверенность Емельки. Он каждую неделю приходил посмотреть заветное местечко; точно хороший хозяин, который осматривает свои владения, качал головой, ругал глупого дьячка, который ему не верил, и, вообще, волновался.

Кухарка Спиридоновна давно подозревала, что Емелька не спроста шляется в контору, а дичину приносит только «для отвода глаз». Будто рябчиков принес, а у самого не рябчики на уме. Эти подозрения скоро оправдались. Раз в ненастный день Емелька остался ночевать в конторе. Миныч раздобыл где-то бутылку водки, и друзья благодушествовали, как и следует истинным друзьям. Выпив, Емелька рассказал Минычу о бородинском покосе.

— Знаю, как же, — согласился Миныч. — То-есть покос-то знаю, но что касается плати-

ны... Ужо надо Мохова спросить.

Был приглашен Мохов. Он с удовольствием допил остатки водки, крякнул, вытер рукой жесткие рыжие усы и проговорил:

— Нет этого приятнее, как ежели хорошая компания.

Емелька угрюмо молчал. Миныч принялся говорить за него и понес страшную околесную. Почему-то он сначала заговорил о турках, которые ничего не понимают, потом похвалил американцев (Мохов уверял, что американцы и цыгане — одно и то же), потом вспомнил ни к селу ни к городу своего покойного отца (Миныч при этом счел долгом прослезиться) и потом уже передал предположение Емельки о богатой платине. Мохов выслушал все совершенно равнодушно, а потом совершенно неожиданно обиделся.

— Что же, мы-то, по-твоему, круглые дураки? — напал он на молчавшего Емельку. — Да! Ничего не понимаем? Мы-то, в трех соснах заблудились, а ты вот всех умнее и оказал себя... Ах, ты, чучело гороховое!. Недаром и поговорка такая есть: «Мели Емеля, твоя неделя». Тоже учить поумнее себя вздумал, а само-

му трем свиньям корму не разделить.

— Да ты что ругаешься-то?! — тоже неожиданно озлился Емелька. — Тебе сурьезное дело говорят, и ты говори сурьезное дело.

— Я дело и говорю! — уже кричал Мохов, размахивая руками. — Кажется, слава Богу, хорошо можем понимать, — какой ты есть человек, Емелька, ежели разобрать? Так, мусор какой-то. Вот одежонки не можешь выправить, а еще берешься учить других.

— Одежа у меня, точно, немного тово... — согласился Емелька, оглядывая свои лохмотья. — Ужо как-нибудь заведу. А все-таки это не касемо платины...

Миныч нерешительно начал поддерживать Емельку, и это заступничество окончательно взорвало Мохова. Он вскочил и, размахивая кулаками, начал наступать на Емельку:

— Значит, по-твоему, старый чорт, я ничего нестоющий штейгер? Да? Ну, говори? Значит, я ничего не понимаю, по-вашему? Только даром хлеб ем? Да я вас обоих в один узел завяжу и в окошко выброшу..

Мохов так разбушевался, что Емелька, дей-

ствительно выскочил без шапки в окошко.

— Я и ружье твое изломаю! — кричал Мохов. — Благодарю Бога, что жив ушел... Учить Мохова!.. Ах, вы, стрекулисты!..

На шум прибежал Федор Николаич и решительно ничего не мог понять в чем дело. Все говорили разом, перебивали друг друга, и теперь больше всех горячился Миныч. Он дошел до того, что схватил щепотку нюхательного табаку и бросил его в глаза Мохову. Чуть не произошла драка, и только Федор Николаич кое-как разнял споривших. Он тоже взволновался и раскашлялся до слез.

— Какая платина? где платина? — спрашивал он.

— Он разстраивает народ и только меня срамит! — объяснил Мохов, тяжело дыша. — Кажется, я служу вот как... Комар носу не подточит. Вот как стараюсь...

Когда дело, наконец, разъяснилось, Федор Николаич только развел руками, точно все трое с ума сошли.

— Нет, вы нас разсудите, Федор Николаич, — приставал Миныч, сжимая тощие кулачки. — Так невозможно... Ежели бы не вы,

так Мохов убил бы нас.

— Что же я вас разсужу? — недоумевал Федор Николаич. — Надо сделать пробу, тогда и будет видно.

— Если пошлете Мохова, так ничего и не увидите, — мрачно объяснил Емелька. — Мне-то что же... Не моя платина. А только она есть... Другие, по крайней мере, спасибо скажут.

— На коленках тебя благодарить будут, — язвил Мохов. — Нашелся благодетель. Значит, по-твоему, и Федор Николаич тоже ничего не понимает?

— Перестаньте, Мохов, как вам не стыдно! — уговаривал Федор Николаич расходившегося штейгера. — Никто и не думал этого говорить...

Мохов опять вспылil. Он бросил свою шапку на пол и проговорил:

— Обидели вы меня, Федор Николаич, за мою службу. Вот как-то мне к сердцу пришлось. Да.. Кажется, обругайте вы меня, каким угодно словом, а только не заступайтесь за Емельку.

— Я и не думал ни за кого заступаться...

Вы, Мохов, кажется, с ума сошли.

Мохов плюнул и убежал из комнаты. Федору Николаичу сделалось смешно, и он тоже ушел.

За ужином Федор Николаич рассказывал жене о случившемся и смеялся до слезь.

— Это очень характерно, — объяснил он. — У нас все помешаны на богатстве, т.е. на быстром обогащении. И Емелька тоже... Интереснее всего то, что он в данном случае хлопчет совсем не о себе.

— Он какой-то особенный, — заметила Евпраксия Никандровна.

— А Мохов был великолепен! Еще бы немного, и он готов был, кажется, и меня поколотить. Безднадежно глупый мужчина, Представь себе, он страшно и серьезно обиделся. Хе-хе... Нет, это была удивительная сцена.

— А ты как думаешь об Емельке? — спросила Евпраксия Никандровна прислужившаго Кирюшку.

— Что же тут думать? — бойко ответил Кирюшка. — Всем известно, што он колдун. Недаром в лесу живет постоянно. Он также

хотел дедушку Елизара подманить...

— Ну, а что же дедушка?

— Он только посмеялся.

— Все-таки нужно будет попробовать, — решил Федор Николаич, — проверить Емельку. Может быть, что-нибудь и окажется...

Федор Николаич вместе с другими плохо верил в висимскую платину. Было время, да прошло, а теперь остатки подбирают. Места кругом все хорошо известны, каждый вершок земли, и старатели нашли бы давно, если бы что-нибудь было. Народ опытный и знает свое дело отлично.

— А если Емелька прав? — спрашивала Евпраксия Никандровна.

— Все равно, он для себя ничего не получит, потому что сам работать на прииске никогда не будет. Не такой человек...

Емелька больше не показывался в конторе. Старик, видимо, обиделся, и Евпраксия Никандровна осталась без дичи.

— Эка невидаль — рябчики, — ворчал Мохов — Да я их сколько угодно представлю. Сделай милость...

Он, действительно, два утра уходил на Мо-

мыниху и приносил оттуда рябчиков, а потом заленился и бросил.

Федор Николаич отправился делать пробу сам. Покос Дорони Бородина ничего особенного собою не представлял. Просто зеленый луг на правом берегу Мартьяна, и больше ничего. Кое-где были уже сделаны кем-то пробные ямы (шурфы), и теперь стояли наполненные водой. Примета плохая. Но Федор Николаич велел сделать пять новых шурфов. Работали целый день и ничего особенного не нашли. Платина в песках была обыкновенного содержания, как на Авроринском и на Сухом.

— Во сне Емелька видел свою платину, — заметил Мохов — Умнее всех хотел себя okazaть. Просто посмеяться над нами хотел.

Кирюшка тоже присутствовал при этой пробе и согласен был с Моховым.

Х.

Осень для Ковальчуков закончилась очень грустно. Расхворалась Дарья, мать Кирюшки. Она простудила ноги в холодной осенней воде. Ее увезли домой без памяти. На прииске теперь не с кем было управляться, и артель расстроилась. Некоторое время оставался в землянке один дедушка Елизар. Он решил переменить делянку и подыскивал новое место. В этом заключалось спасение всей семьи, а как они перебьются зиму, — дедушка Елизар боялся и подумать. Мужики будут как нибудь околачиваться на поденной работе — на фабрике, в извозе или в курене, где рубят дрова для фабрики и жгут уголья. Бабам зимой уже некуда деваться. Сиди дома да посвистывай в кулак.

— Ох, как только и перебьемся зиму! — горевал старик. — А я еще о второй лошади думал на Кирюшкино счастье... Вот тебе и вторая лошадь.

Теперь дедушка Елизар каждый день приходил в контору к Кирюшке и любил посидеть темный осенний вечер в тепле у Мины-

ча. Старик не жаловался никому и, вообще, не любил болтать о своих домашних делах. Питался он одним черным хлебом, запивая ключевой водой, да и хлеб был на исходе. Один Кирюшка знал, как перебивается старик, и по-детски его жалел, но тоже молчал. Только раз он не утерпел, когда Евпраксия Никандровна стала расспрашивать, зачем остался старик на прииске, и как он живет в землянке один.

— Дома-то нечего делать, вот и живет, — объяснил Кирюшка.

— Что же он ест? Кто ему готовит?

Кирюшка даже засмеялся. «Солдатка» как есть ничего не понимала.

— Чего готовить-то, барыня? Слава Богу, ржаной хлеб есть. Еще ден на пять хватит... Главное, чтобы место получше обыскать к весне.

Кирюшка говорил тоном большого человека, а Евпраксии Никандровне показалось, что он относится к голодавшему старику совершенно бессердечно. Она не могла себе представить, как можно голодать, да еще старому человеку, которому нужны и покой, и уход, и

стариковский уют. А Кирюшка понимал все отлично, потому что сам раньше частенько голодал.

— Отчего ты раньше ничего не сказал? — укоряла его «солдатка», — У нас от обеда и от завтрака много остается...

Кирюшка молчал. Все остатки доедал обыкновенно Мохов, отличавшийся большой прожорливостью. Да и дедушка не такой, чтобы чужими объедками пользоваться. «Солдатка» не оставила этого дела, переговорила с мужем и потом позвала дедушку Елизара:

— Вот что, старичок... — заговорила она, немного стесняясь. — У нас живет твой внучек уже два месяца. Ему следует получить жалованье...

— Какое уж тут жалованье... Прибрали мальчишку, и за то спасибо. Сыт, одет, сидит в тепле...

— Нет, серьезно. Мы ему будем платить по два рубля в месяц. Значит, тебе следует получить за два месяца четыре рубля.

Дедушка Елизар только почесал в затылке. Для него четыре рубля сейчас составляли целый капитал. Пожалуй, на эти деньги и место

можно обыскать, ежели у барыни рука легкая. Тяжело все-таки было старику брать эти деньги, точно он брал что-то чужое.

— На легкую руку возьму, — объяснил он. На счастье, значит...

— У меня рука легкая, — шутила Евпраксия Никандровна, передавая деньги. — Надо было раньше отдать, да все как-то забывалось. К Рождеству твой Кирюшка будет читать и писать, а потом увидим. Он славный мальчуган...

Одновременно с этим Спиридоновне был отдан самый строгий приказ, когда придет дедушка Елизар, кормить его.

— Тоже придумают, — ворчала кухарка. — Разве всех накормишь? Раньше Емелька шатался, а теперь старик повадился. Мало ли на прииске народу наберется...

Получив деньги, дедушка Елизар точно ожил. Как все промысловые люди, он был суеверен, а тут свалились несчитанные деньги... Уж если будет счастье, так именно на такие несчитанные деньги... Одно счастье, как известно, не приходит. Делать разведки одному — очень трудно, но как-то подошел Емель-

ка и поселился в балагане дедушки Елизара. Старик был рад, что теперь он не один. Все же живой человек. Есть с кем слово перемолвить. У Емельки наступила глухая охотничья пора. Приходилось ждать заморозков.

— Поживи пока у меня, а дома тебе делать все равно нечего, — уговаривал его дедушка Елизар. — Я вот новое местечко обыскиваю, а у тебя, может, и рука легкая...

— У меня-то? Легче и не бывает...

Удивительный был человек этот Емелька. Совсем бы хороший мужик, если бы не отбил-ся от работы. У чужих еще будет работать, а для себя пальца не разогнет. Теперь он с раннего утра отправлялся с дедушкой Елизаром в поиски и работал целые дни, как самый настоящий мужик. Они вдвоем выкопали в день шурфов до десяти.

— Ах, Емельян, Емельян, как бы тебе жить-то надо! — удивлялся и жалел его дедушка Елизар. — Ведь, золотые у тебя руки... Молодому впору с твое-то работать.

— А не желаю... — упрямо отвечал Емелька.

О покосе Дорони Бородина старики не го-

ворили ни одного слова. Емелька не хотел ничего говорить, когда другие своего счастья не хотят понимать, а дедушка Елизар знал, что Федор Николаич ездил туда на пробу и ничего не нашел.

— Не иначе, что платина подбилась к самой Момынихе, — повторял дедушка Елизар. — Значит, тут ее и искать.

Шурфовка производилась очень простым способом. Выкапывались в земле ямы в форме могилы. Сначала под дерном попадался обыкновенно речной хрящ,[3] потом начиналась серая глина, а под ней уже шел песчаный слой, содержащий в себе платину. Пробу делали в большом железном ковше, при чем происходило то же, что при работе на ва-шгерде: крупная галька сбрасывалась, глина отмучивалась водой, на дне ковша оставался черный песочек, «шлихи», в котором и задерживались зерна платины. На такой ковш для хорошей пробы достаточно было двух долей драгоценного металла. В одном месте, когда дедушка Елизар делал пробу, получилось несколько долей. У старика даже руки затряслись, и он выплеснул пробу в воду. Сделал он

так не из боязни, что Емелька что-нибудь разболтает раньше времени, а просто потому, чтобы не ослабить места. Даже про себя он старался не думать о своей находке, точно она могла спрятаться в землю от одной мысли.

Через день дедушка Елизар сказал:

— Ну, Емельян, довольно нам с тобой шататься. Пора домой. И то мы зажились на приiske до которой поры. Почитай, никого и не осталось из старателей.

Емелька не спорил и отправился домой вместе с дедушкой Елизаром. На приiske оставалось работать артелей десять, которым, все равно, деваться было некуда. Богатые уехали пораньше, а беднота искала своего счастья до самых заморозков, когда вода начинала застывать на вашгердах. Единственным хозяином всех промыслов оставался Мохов, потому что зимой работали только одни «хозяйские работы», т.-е. на машине промывка шла небольшая, а вскрывали главным образом шурфы, т.-е. снимали верхний слой пустой породы, прикрывавший платину, содержащий пласт песков. Промысла точно засы-

пали на всю зиму, чтобы проснуться с новыми силами, когда заиграют полной водой горные речки и речушки.

Дедушка Елизар, вернувшись домой, никому и ничего не сказал. Он объяснил коротко, что выбрал новую делянку под Момынихой.

— Ужо попробуем, что Бог даст.

В Висиме уже знали, что он искал платину вместе с Емелькой, и по этому случаю не мало было пересудов, разговоров и шуток. Особенно потешались хохлы.

— Два старых колдуна связались: как уж тут платине не быть. Нашептали себе делянку...

Дедушке Елизару было не до этих разговоров. Его мучила неотступная мысль о найденной платине. А если Господь богатство послал? Будет, натерпелись нужды достаточно, а ведь работали не хуже других. По ночам старик долго не мог заснуть и когда засыпал, то все делал пробу на платину. Иногда он просыпался, садился на своей постели и долго не мог прийти в себя.

— Господи, помилуй! Что же это такое! Нахождение...

Делалось даже страшно. Это уж неспроста день и ночь все платина грезится. Как раз «нечистый» помутит... А тут еще вторая лошадь представляется. Дедушка Елизар видел ее, как живую: — гнедая, с завесистой гривой, длинная, с крепкими ногами. Эта уж послужит. Вот как работа пойдет, только успевай поворачиваться!

А дома, как на грех, дела шли скверно. Дарья, хоть и поправилась после своей болезни, но все не могла войти в настоящую бабью силу и бродила по дому, как отравленная муха. Потом приключилась беда с подростком Ефимом. Он поступил на фабрику поденщиком и работал под доменной печью. Там ему брызнуло горячим чугуном на ногу, и нога разболелась. Пришлось и Ефиму сидеть дома. Кормилицами семьи оставались, всего двое — отец Кирюшки, Парфен, да зять Фрол. Большим подспорьем являлось теперь жалованье Кирюшки. Два рубля — деньги, т.-е. целых пять пудов ржаной муки.

Смотришь, трое и прокормились. Вообще, дела были тесные, и семья Ковальчуков еще никогда так не бедовала.

Дедушка Елизар рассказал о своей находке под великим секретом только одному торговцу Макару Яковлевичу, у которого забирал харчи.

— У вас у всех богатая платина, когда в долг берете, — не доверял добродушный Макар Яковлич. — А как дело дойдёт до расчёта, — платины как не бывало.

— Что ты, Макар Яковлич! — обижался дедушка Елизар. — Не стану я зря болтать. Не те мои года, да и не привык я к этому. Только бы вот до весны дотянуть. Увидишь сам.

— Не увидим, так услышим. Что же, дай Бог. Семья у тебя непьющая, работники растут. Как-нибудь справитесь.

— Все от Бога, Макар Яковлич. Кому уж какое счастье Господь пошлет, так тому и быть.

Первого числа каждого месяца дедушка Елизар отправлялся на Авроринский за получением Кирюшкиного жалованья. Он ходил пешком. На лошади работал Парфен, и ее нельзя было брать.

— Ну, как дела, старик? — спрашивала каждый раз Евпраксия Никандровна, отсчитывая два рубля.

— Ничего, помаленьку, барыня. Перебиваемся... Вот только до весны дотянуть.

Спиридоновна уже без наказа знала, что должна накормить старика, и больше не ворчала. За нее обижался Мохов. Он называл гостя дармоедом и глумился над ним.

— Не твое ем, — оправдывался дедушка Елизар. — Тебе-то какая печаль?

— Я терпеть не могу дармоедов, которые себя своей работой оправдать не могут. Этак все учнут объедать господ...

— Не ты ли дармоед-то, ежели разобрать?

Мохов придумал в отместку штуку. Как-то приехал в воскресенье в Висим и распустил в кабаке слух, что Ковальчуки нашли богатую платину и скрывают ото всех. Слух был нелепый, поэтому, вероятно, за него все и ухватились с какой-то радостью. Дедушка Елизар даже испугался, когда его встретил на улице рыжий Белохвост и крикнул:

— Здравствуй, тысячник!..

— Какой тысячник? Что ты болтаешь, непутевая голова?..

— А такой... Нашел платину и молчишь. Все, брат, знают...

Старик только развел руками. Неужели Макар Яковлич разболтал?

— Боишься, што делянку рядом с тобою возьму? — не унимался Белохвост, размахивая руками. — Эх, не хорошо, дедушка!

— Кто говорит-то, что я платину нашел?

— А Мохов сейчас в кабаке рассказывал, как вы с Емелькой нашептывали себе эту самую платину. Бесово, видно, дешево, колдуны проклятые...

Сначала дедушке Елизару очень было обидно, что его секрет открылся, а потом он успокоился — поболтают и перестанут. Когда к нему приставали где-нибудь на базаре, он только отшучивался.

— Обыскал, милые... Верно. Так и лежит платина, — хоть голыми руками ее обирай.

— Возьми, дедушка, в приказчики! — галдели молодые парни.

— И то возьму. Жалованье будешь получать четыре недели в месяц.

XI.

Наступила зима. В горах выпал в некоторых местах саженный снег. Лес стоял точно в дорогой белой шубе, Все приисковые постройки потонули в снегу. Не видно было ни приисковых ям, ни отвалов, ни прудков, ни канав, только продолжали работать около машины. Зима в лесу была совсем не то, что в селеньи, и Кирюшка удивлялся, откуда берется столько снега. С остальным миром Авроринский прииск соединялся одной узенькой дорожкой, по которой можно было проехать только гусем да и то не всегда. Все кругом точно замерло, похороненное под белоснежным саваном.

В приисковой конторе тоже замерла всякая жизнь. Федор Николаич все читал и страшно курил. Мохов спал по целым дням и просыпался только для еды. Миныч целые дни просиживал у железной печи, которую накаливал до-красна. Он страшно любил тепло и спал под шубой, обливаясь потом.

— Ты у нас, как комар, Миныч, — шутил Мохов. — Смотри, как раз застынет комари-

ное-то сало...

Только один человек не боялся ни мороза, ни горной вьюги, ни погоды — это охотник Емелька. Он теперь безвыходно жил где-то в горах, выслеживая оленей, диких коз и лисиц. Раз он пришел на лыжах и притащил убитую молодую козу. Ему заплатили за нее целых два рубля. Евпраксия Никандровна долго любовалась убитым животным и с сожалением проговорила:

— Какая она хорошенькая, эта козочка! Тебе ее не жаль было убивать, Емельян?

— Чего ее жалеть-то? — удивился Емелька. — На то она коза...

Вместе с наступлением зимы в жизни Кирюшки произошло величайшее событие: ему купили из дубленой овчины полушубок, новую меховую шапку и новые валенки. Такой роскоши он еще не видал. Решительно все новое. Полушубок ему так понравился, что Кирюшка не желал его снимать даже в комнате, как его ни уговаривала «солдатка».

— Ведь, жарко в полушубке?

— Ничего. Ведь он новый...

Раньше Кирюшка пользовался только об-

носками после больших мужиков и Ефима, а тут все впору, точно портной на заказ шил. Покупать обнови ездил в Висим «штегер» Мохов, и из этого потом вышла целая история. Кухарка Спиридоновна осмотрела покупки с особенным вниманием и только покачала головой.

— Как раз на полштоф обманул, змей, — решила она. — Вот-то безсовестный человек...

«Солдатка» считала Мохова самым глупым человеком на свете, но была уверена, что он неспособен на обман. Обиделась уже Спиридоновна, навела справке в Висиме, где и что покупал Мохов, и доказала свою правоту. Евпраксию Никандровну очень обидело такое откровенное коварство Мохова, и она сказала ему:

— Я и не думала, что вы такой, Мохов. Как вам не стыдно обманывать...

Мохов, по глупости, не только не раскаялся, а еще нагрубил «солдатке» и пообещал переломать Спиридоновне все ребра.

— Нужно его убрать, — говорила мужу «солдатка». — Он на все способен, хотя и глуп. В одно прекрасное утро он нас всех зарежет.

Федор Николаевич на этот раз не мог согласиться с женой и даже стал защищать Мохова.

— Фрося, все они такие. Возьмем другого штейгера, — тот будет еще хуже!

— Почему ты думаешь, что хуже?

— Да так. Промысловый народ испорченный.

У Федора Николаевича была слабость, — он терпеть не мог менять людей. По его мнению, все люди одинаковы, а только не следует их вводить в соблазн. Одним словом, нужно было самым съездить в Висим и купить все для Кирюшки.

— Тогда мы переплатили бы не двугривенный, а целый рубль, — объяснял он жене. — Он, наверно, торговался до седьмого пота, а мы бы не сумели этого сделать.

— Одним словом, мы должны благодарить Мохова, что он напился за наш счет? — возмущалась «солдатка». — Я ему, как хочешь, ни в чем больше не верю. Да, не верю...

Если бы Мохов знал, какие последствия проистекут из его коварства, он купил бы все Кирюшке на собственный счет, но Мохов был

счастливого глуп и ничего не подозревал.

Непосредственным следствием обмундирования Кирюшки было то, что перед Рождеством он попал в Тагил. «Солдатка» не хотела ехать одна. Федор Николаевич прихварывал, Мохова она терпеть не могла, — оставалось взять Кирюшку.

— Все-таки мужчина, — объясняла она. — И ехать веселее, и в Тагиле мне поможет. Надо сделать покупки к праздникам, ездить по магазинам, — одним словом, мне одной неудобно.

Кирюшка был счастлив, как никогда. Тагил представлялся ему чем-то волшебным и сказочным. Мохов рассказывал, что там и церкви каменные, и дома каменные, и лавки каменные, а на базаре нет только птичьего молока.

От прииска до Тагила было около сорока верст. Двадцать верст до Черноисточинского завода, и двадцать — от него. Дорога все время шла горами и лесом. Попадались навстречу углевозы с коробьями угля и много транспортных, перевозивших руду, чугун и железо. Маленькая кошовка летела по зим-

ней укатанной дороге стрелой. Кирюшка сидел и молчал, подавленный ожиданием чего-то необыкновенного. Черноисточинский завод — попросту Черная, как называли его рабочие, был значительно больше Висима. Кирюшку поразило, что здесь избы мыли снаружи, стирая с бревен заводскую копоть. Бабы-черновлянки оказывались чистоплотнее висимских хохлушек и тулянок.

В Тагил въезжали мимо громадного медного рудника. Кирюшку поразила особенно высокая железная труба, из которой валил густой дым. В самом селеньи, раскинувшемся по берегам заводского пруда и реки Тагила, обыкновенно избы стояли только на окраине, а в середине были все дома с железными крышами, с расписными ставнями и крашеными воротами.

— Тут все богатые мужики живут? — спрашивал Кирюшка, удивляясь тагильскому великолепию.

— Есть и богатые, и бедные, — объясняла «солдатка», которую забавляло удивление маленького приискового дикаря.

Изумление Кирюшки достигло своей выс-

шей степени, когда кошовка начала от фабрики подниматься в гору, на которой перед зданием главной заводской конторы стоял памятник одному из владельцев Демидовых. Тут же и каменная церковь, а дальше — улица, где сплошь стояли каменные дома с магазинами в нижних этажах. Кошовка выехала на громадный базар, уставленный целыми рядами деревянных лавок, а потом свернула куда-то в улицу направо и остановилась у ворот каменного дома. Приисковые лошади, по видимому, знали этот дом и сами повернули к нему.

На верху гостей встретил белокурый господин в простой кумачной рубашке и суконной поддевке. Это был старый знакомый Евпраксии Никандровны, приезжавший на Авроринский раз два. Его звали Александром Алексеичем. Говорил он спокойно, никогда не горячился, и Кирюшка был рад, что встретился знакомый человек. Он начинал как-то трусить и чувствовал себя таким маленьким-маленьким и беззащитным, как цыпленок.

— Вот хорошо, что вы приехали, — говорил Александр Алексеич.. — У меня, как раз,

есть дело до вас. Может быть, и мне придется к вам на Авроринский.

— Что же, мы будем рады. Веселее будет жить вместе.

Когда они пили чай, пришел еще господин, тоже в поддевке, с темной козлиной бородкой, высоким лбом и громадными, темными глазами. Звали его Сергеем Александрычем. Это был очень веселый барин, который всех смешил.

— А это что за мужичище с вами? — спрашивал он про Кирюшку.

— Он живет у нас, — объяснила «солдатка». — Будущий старатель. Я его учу грамоте. Мальчуган смышленный...

— Испортите вы его, Евпраксия Никандровна. Отстанет он от своих мужиков и сделается каким-нибудь писарем.

После чая «солдатка» отправилась делать покупки к празднику. Ее сопровождал Кирюшка. Она долго ходила из магазина в магазин. Кирюшке, казалось, что здесь собраны были сокровища всего мира. У мальчика просто разбегались глаза при виде разного галантерейного товара. Кирюшку больше всего за-

нимал вопрос, кто будет покупать все эти чудеса? Где эти безумно богатые люди? Ну, ситцы и разную посуду еще раскупят, у кого идет богатая платина, а куда девать остальное? Кирюшка как ни прикидывал в уме на разные лады, но ничего не выходило. Для него делалось ясным только одно, именно, что есть люди богаче, чем висимские Канусики, Шкарабуры, Ермоленки, даже богаче, чем Федор Николаич. Его маленькое сердце невольно сжалось при мысли о своей висимской бедности, о том, как мать рассчитывала каждый кусок ржаного хлеба, дедушка Елизар забирал у Макара Яковлича харчи в долг и т. д.

— Ну, что, тебе нравится Тагил? — спрашивала «солдатка».

— Очень уж по-богатому живут здесь... — ответил Кирюшка.

Под конец ему сделалось даже грустно и захотелось к себе на прииск.

Они переночевали в Тагиле, а утром на другой день уехали домой. Александр Алексеевич подарил Кирюшке книжку с картинками, бумаги и карандаш. Кирюшка всю дорогу держал в руках эти сокровища, точно они могли

улететь от него.

Эта первая поездка произвела на мальчика глубокое впечатление. Как же живут люди в городах, как Екатеринбург? Было страшно даже подумать... Мохов говорил, что в городе так хорошо, как в раю. Дома все каменные и все богатые. Он все вспоминал городские калачи, и как ел пельмени в обжорном ряду.

— Погоди, вот выучишься грамоте, Кирюшка, тогда все узнаешь, — говорил Миных. — И какие города на свете есть, и как живут добрые люди. В книгах, брат, все написано.

Кирюшка решил, что прочитает все книги, как Федор Николаич, и все узнает.

На святках приехали в гости Александр Алексеич и Сергей Александрыч. Было очень весело. Федор Николаич угощал всех водкой, а Мохов прибавил еще на свои. Вечером Сергей Александрыч плясал в присядку со Спиридоновной, а Мохов играл на балалайке. Даже разошелся Миных и пустился в пляс. Потом поехали в двух кошовках в Висим. Кирюшка выпросился, чтобы и его взяли. Ему хотелось побывать дома, чтобы показать свои обновы,

и, главное, рассказать о своей поездке в Тагил.

Дома все было по-старому, и Кирюшке показалось еще беднее, чем раньше. Он теперь только заметил вопиющую домашнюю нужду. И праздника нечем было справить по-настоящему, когда нет денег. Так все будни. Дедушка Елизар ходил хмурый и мало разговаривал. Мать была такая бледная.

— Плохо мы живем, — объяснила она Кирюшке, как большому. — К празднику купили пять фунтов свинины, — вот и все. Как уж только дотянем до весны. Ефим вон все болен.

Висим теперь показался Кирюшке таким маленьким. Какой это завод, — просто деревня. Раньше он не замечал, что в Висиме с каждого места виден лес. Вышел за огороды, и сейчас тебе лес. В Тагиле этого не было. Теперь все Кирюшка мерил про себя этим Тагилом.

Обновы Кирюшки совсем не произвели того впечатления, на которые он рассчитывал. Бабы разобрали, правда, все по ниточке и обругали Мохова, который, по их расчетам, прикарманил не на один полуштоф, а по

крайней мере на два. Мужики отнеслись совершенно равнодушно, и только один дедушка Елизар заметил:

— Баловство это... Глаз нет у господских денег, вот и швыряют их. И так бы походил.

ХІІ.

Наступила, наконец, весна. Дедушка Елизар выехал на промыслы с каким-то страхом. Что-то будет... Дня три устраивали новую землянку под самой Момынихой, а потом уже приступили к настоящей работе. Дарья все еще не могла поправиться и едва держалась от слабости на ногах; у Ефима продолжали болеть ноги, и он не мог работать в забое, а вместо Кирюшки отвозил только пески на таратайке к Мартьяну. Теперь возить песок было значительно дальше, чем раньше. Первая же промывка дала столько платины, сколько раньше добывали в неделю. Дедушка дрожащими он волнения руками собрал ее в кружку и перекрестился. Да это было настоящее богатство!.. У старика кружилась голова и слезы сжимали горло. Парфен и зять Фрол видели эту богатую платину, но молчали, потому что молчал дедушка Елизар. За то шептались и ахали бабы, так что старик даже прикрикнул на них:

— Вы-то чему обрадовались, козы брыньския?

Чем лучше шла платина, тем дедушка Елизар делался мрачнее. Особенно он не любил, когда приходил кто-нибудь из старателей на делянку. Чаше других завертывал рыжий Архип Белохвост. Придет, рассядется и балагурит с бабами.

— Шел бы ты, Архип, к себе на делянку, — ворчал дедушка Елизар. — Куда дело лучше будет... Работа-то не ждет.

— Работа — не медведь, в лес не уйдет. Больно мне охота на твою богатую платину поглядеть...

— Отойди, грех.

В субботу дедушка Елизар пришел сдавать платину в контору позже всех, когда другие старатели разошлись и разъехались. Оставалось всего человек пять. Когда Мохов распечатал железную кружку, то так и остался с раскрытым ртом.

— Да ты сбесился, старик? — обругался Мохов. — Тут рублей на сорок будет... Это в три-то дня!.. Ну, и колдун же ты.

Федор Николаич, напротив, был рад и с удовольствием отсчитал дедушке Елизару тридцать восемь рублей с копейками. Подо-

шла Евпраксия Никандровна и поздравила старика с богатой платиной.

— Ох, не надо бы такие-то слова говорить, сударыня, — точно испугался дедушка Елизар. — Так, немножко поманило для первоначалу. Куда нам богатую платину... С твоей легкой руки оправдали немножко первую неделю.

— Не заговаривай зубов, колдун, — ворчал Мохов. — Нашептали тогда с Емелькой, — вот платина и объявилась. Этак-то и всякий найдет, ежели с колдовством...

Молва о найденной Ковальчуками богатой платине точно забежала вперед. Когда дедушка Елизар приехал вечером домой, все старатели уже знали эту новость. Рыжий Белохвост приходил уже два раза узнать от самого старика, сколько он получил из конторы денег. Пока Ковальчуки ехали с прииска домой, полученная дедушкой Елизаром сумма выросла в сто двадцать рублей. Об этом говорили главным образом в кабаке, где Белохвост с горя выпил целый полуштоф водки.

— Ей Богу, я хотел взять эту делянку! — клялся он. — Вот, думаю, враз ударю после

Троицы... Вот сейчас с места не сойти. А старик и пронюхал... Прямо мою платину будет загребать.

Совсем пьяный Белохвост заходил к Ковальчукам в третий раз поздно вечером, но бабушка Парасковья его прогнала без всякой церемонии.

— Что ты шляешься-то, полунощник? Старик спит после бани. Ступай-ка домой, жена тебя вот как ждет.

— А ты не гордись, старая, — ворчал Белохвост. — Не успели еще разбогатеть на моей платине, а уж в три шеи гонишь. погоди еще, придешь и в ножки Белохвосту поклонись.

— Ступай, ступай!..

Утром в воскресенье, как всегда, дедушка Елизар отправлялся в церковь. Все теперь смотрели на него и перешептывались. Нелепая болтовня Белохвоста произвела свое действие. — Ловко Ковальчуки подцепили чужую плагину... Лучше не надо, Старик-то вон молится и свечку в двугривенный купил.

— Это он за Белохвоста свечу-то ставит, — шептались бабы.

На базаре дедушку Елизара обступила уже

целая толпа. Старик, наконец, рассердился.

— Триста рублей в три дня заработил! — кричали мальчишки.

От назойливого любопытства толпы дедушка Елизар едва спасся в лавке Макара Яковлича, разогнавшего толпу.

— Что же, я могу и подождать, — заявлял Макар Яковлич, когда старик выложил ему сразу весь долг. — Всего-то восемнадцать рублей. Не велик счет...

— Нет, уж получи. — настаивал дедушка Елизар, — Вперед ничего неизвестно. Спасибо, вот зимой выручал. Напередки не оставь...

Кроме самых необходимых харчей, старик на базаре ничего не купил, оставив часть денег про черный день. Может быть, на следующую неделю и никакой платины не будет, — и так случается. На такую скупость бабушка Прасковья сильно ворчала, но старик уперся и ничего не дал.

В следующую неделю Ковальчуки заработали около ста рублей. Таких денег семья еще не видала. Дедушка Елизар никак не мог рассчитать, что ему делать с деньгами, — слишком уж много всякой нужды. И то, и другое,

и третье, — всего не купишь. Надо бы вот и крышу на избе поправить, и из одежды купить кое-что, а главное — купить вторую лошадь. С последним опять беда. Денег на лошадь хватило, так некому ездить. Дарья совсем слегла, значит оставшиеся две бабы могли работать только у одного вашгерда. Потом Ефим обезножил совсем. Когда больше всего нужны были рабочие руки, их и не доставало.

— Возьми Кирюшку, — советовала бабушка, — будет ему лодырничать в конторе-то.

Дедушка Елизар и сам подумывал об этом, но зачем парня трогать с места? Что еще впереди, — неизвестно, а он сыт, одет, да еще грамоте учится. Потом неловко было обижать «солдатку», которая всегда была такая добрая. Как-нибудь своими силами надо обернуться. Между прочим, еще с весны старик захватил рядом две делянки, одну на старшего сына Парфена, другую — на зятя Фрола. Когда пошла богатая платина, все старатели кинулись брать делянки под Момынихой, и каждый старался захватить местечко поближе к Ковальчукам. Дедушка Елизар спохватился, что напрасно тогда и не взял делянок на Ефима и

Кирюшку, — хотя и не настоящие мужики, а все равно работают на прииске же. Он пошел к Федору Николаичу хлопотать.

— У тебя ведь три делянки? — спрашивал Федор Николаич. — Платина идет отлично? Ну, и будь доволен... Надо и другим попользоваться.

— Оно бы того, барин, как-то аккуратнее... — мялся старик. — Оно, конечно, и другим надо, а платину-то все-таки я обыскал. Другие-то уж на готовое лезут...

— Не могу старик! — уперся Федор Николаич и даже рассердился. — Вот вы всегда так: то нет ничего, а то все мало...

Дедушка Елизар ушел из конторы ни с чем. Он обозлился на упрямого смотрителя. И что ему стало жаль других? Небось, их, Ковальчуков, никто не жалел. Одним словом, ничего не поймешь, что и к чему.

Делянки были расхватаны под Момынихай живо, и самая плохая досталась Белохвосту. Он как-то умел везде опаздывать, и теперь обвинял во всем Ковальчуков.

— Раньше от Канусика терпел, а теперь Ковальчуки донимают, — уверял всех Бело-

хвост, и сам начинал верить собственным словам, как все увлекающееся люди — Не пойдет вам в прок моя платина.

В течение первого месяца Ковальчуки заработали около трехсот рублей, почти целое состояние. Дедушка Елизар попрежнему стерег каждый грош и никому не давал воли. Особенно негодовали на него бабы. Бабушка Парасковья пробовала стороной замолвить словечко в пользу дочерей и снохи, но из этого ничего не выходило.

— И ни-ни! И думать пусть позабудут, — сердился дедушка Елизар, как никогда. — Я обыскал платину, — значит, все мое. Бабы подождут... Вот надо лошадь покупать, одежонку, — мало ли чего наберется.

Все три полянки соединены были в одну, и работа велась сообща, как было раньше. Всем заведывал дедушка, и никто из мужиков не смел ему перечить. Уж дедушка знает, что делать, и сохранит каждую копеечку. Всех мучил вопрос о второй лошади, — надо ее покупать, а купить, — надо чужого человека в дом брать. Все работали одни, своей семьей, а тут вдруг нанимать.

— Подождем, — решил дедушка Елизар, —
Надо за лошадь-то двадцать рубликов отвалить да таратайку, да сбруишку, да разную приисковую снасть. Глядишь, на все пятьдесят целковых не обернешься. Нет, надо погодить.. Лошадь не уйдет. Тоже всякия и лошади бывают: купи другую, и сам не рад будешь.

XIII.

В конторе, конечно, заработки Ковальчуков были известны с точностью. Кирюшка уже разбирал не только печатное, но и по писанному, и сам мог по приисковым книгам проверить, сколько получил дедушка Елизар в какую неделю. Об этом иногда Кирюшку спрашивала мать, едва бродившая около своей землянки. Работать она не могла и страшно кашляла.

— Все нам завидуют, — жаловалась она сыну. — А мы от старика не видали еще ничего. На гривенник никому ничего не купил. Вцепился в деньги, как коршун, и всех заморил на работе. Жадный-прежадный стал...

Раз Дарья долго смотрела на Кирюшку, потом обняла его высохшими руками и проговорила:

— К осени я помру. Кирюшка...

Кирюшка молчал.

— Да, помру, — спокойно проговорила Дарья. — Ты останешься большаком в семье... да... Отец, может, женится, так ты, Кирюшка, не давай в обиду мачехе брата. Маленький он

совсем останется...

Дарья заплакала и долго гладила Кирюшку по голове.

— Я скажу «солдатке», она тебя вылечит, — проговорил Кирюшка, не зная, чем утешить мать. — У нея всякия лекарства есть...

— От смерти не вылечишь... Божья воля...

Кирюшка был уверен, что от каждой болезни у «солдатки» есть свое лекарство. Он сам видел, как «солдатка» покупала лекарства в Тагиле, — и в бутылочках, и в бумажках, и в коробочках.

Когда Кирюшка рассказал Евпраксии Никандровне про мать, она сама отправилась провести ее и только покачала головой. У Дарьи, по всем признакам, была чахотка.

— Тебе надо ехать домой, — советовала «солдатка». — В землянке сыро, как в погребе.

— И то сыро... Всю ночь кашляю. А только старик не пустит...

Дедушка Елизар, действительно, наотрез отказался отпустить Дарью домой. А кто же будет варево варить?

— Умрет она здесь, — говорила Евпраксия Никандровна.

— Божия воля. Все померем...

— Как тебе не жаль, старик? Ведь сейчас и деньги у тебя есть, можете нанять какую-нибудь женщину...

— Какие деньги, сударыня? А Дарью не пущу...

«Солдатка» рассердилась на упрямого старика, который нисколько не жалел снохи. Раньше еще это было бы понятно, когда вся семья бедствовала, а теперь совсем другое. Вообще, на промыслах нисколько не жалеют баб. Вот лошадь будут беречь, потому что за нее деньги плачены, а баба умерла, — возьмут другую.

— Я, кажется, возненавижу этого противного старика — жаловалась «солдатка» мужу. — Раньше мне было его жаль, а теперь... Неужели и Кирюшка будет такой же бессердечный?

— Все зависит от необразования, — спокойно объяснял Федор Николаич. — Ничего не поделаешь, если люди не понимают собственной своей пользы. Ведь простой расчет, чтобы все в семье были здоровы, а они заставляют женщин работать выше сил, как не сде-

лают с лошадыю. Все от необразования...

Кирюшка слушал эти разговоры и только удивлялся господской доброте. Всех-то им жаль. Мальчик в первый раз в жизни усомнился в правоте дедушки Елизара, каждому слову которого до сих пор привык верить беспрекословно. Ему было все больше и больше жаль матери, которая чахла у всех на глазах. Вот и богатую платину нашли, а она будет чахнуть.

Раз утром Кирюшку разбудила Спиридоновна.

— Ступай смотреть новокупку. Дедушка Елизар лошадь привел показывать. Охота похвастаться...

Действительно, перед конторой стоял дедушка Елизар и держал в поводу купленную только вчера гнедую лошадь, о какой старик мечтал лет пятнадцать. Кругом новокупки ходили в качестве специалистов Миныч и Мохов и разбирали ее по косточкам. Особенно усердствовал Мохов. Он совал несчастной лошади кулаком в бок, задира л хвост, ду л в ноздри и в заключение пролез на четвереньках под брюхом.

— Ничего, правильная лошадь — одобрял Миныч. — Крепенькая на ногах. Эта вывезет.

— Хороша- то хороша, а несовсем, — говорил Мохов. — Глаз у нея круглый, значит, с норовом, а потом копыта слабоваты...

Кирюшка еще не видал дедушку таким счастливым. Мальчик и сам обрадовался лошади, как празднику. Сколько о ней было разговоров в семье, и вот теперь она стоит живая и совсем совсем такая, какой представлял себе ее Кирюшка.

— Ну-ка, садись верхом, Кирюшка, — командовал дедушка. — Попробуй коня... Да смотри, грешным делом, не сверзись.

Кирюшка проехал верхом и пришел в окончательный восторг. Какое сравнение с чалкой, которая трясла и не умела бегать! Собака Мохова, которую он называли Крымзой, тоже принимала самое живое участие в этой сцене и с громким лаем скакала перед лошадью, напрасно стараясь ее остановить.

— Да, добрая лошадка, — повторял Миныч, набивая нос табаком. — Хоть в Москву на ней поезжай.

— Что же, старик, надо ее будет всприс-

нуть, — говорил Мохов, — Дело-то крепче будет...

— Какие тут вспрыски... — замялся дедушка Елизар.

— Ну, ну, нечего жаться. Платину лопатой огребаешь, лошадь купил, а на полштоф жаль.

— Да где я ее возьму, эту самую водку тебе? И рань такая...

— Ничего, я сгоняю вот на новокупке к Захарову. Только давай деньги...

К удивлению Кирюшки, дедушка достал из-за пазухи кисет с деньгами и отсчитал Мохову целый двугривенный медяками. Мохов лихо вскочил на новокупку и поскакал по дороге в гору. Дедушка Елизар проводил его глазами до леса и все время улыбался счастливой улыбкой, точно он видел счастливый сон.

— А пока мы чайку попьем, дедушка, — предложил Миныч. — Да закажем на радостях Спиридоновне закуску. Она нам такую яичницу сварганит... Нельзя, закон требует порядку. А к тому времени и Мохов воротится...

Спиридоновна даже не ворчала, как обык-

новенно. Она тоже разделяла общую радость.

Мохов, действительно, скоро вернулся и привез бутылку водки. Яичница была готова. Когда уселись за стол, и дедушка Елизар налил первую рюмку, в окне показалось лицо Емельки.

— Да не колдун ли! — ахнул Мохов. — Я только подумал о нем, а он тут-как-тут. Ну, и человек.

Емелька был бледен и тяжело дышал. У него вообще был такой больной вид.

— Ну, ну, иди, — приглашал дедушка Елизар. — Гость будешь.

— Где ты пропадал-то, Емелька? — спрашивал Мохов.

— А болен был... С месяц вылежал в балагане под Осиновой горой. Болестъ ухватила...

— Как же ты там с голоду не номер?

— А меня дьячок Матвеич пропитывал... Приходил по два раза в неделю и приносить разный харч. Разнемогался я с самой весны... Ну, думаю, расхожусь в лесу-то, а тут меня в горах-то и свалило. Ни рукой, ни ногой, лежу, как дерево...

Новокунка была впрыснута. Поднесена

была рюмочка даже Спиридоновне. Миньч начал уже мигать и блаженно улыбался. Нарушал праздничное настроение один Емелька, на которого и водка не действовала оживляющим образом.

— Ежели бы теперь другую бутылочку... — приговаривался Мохов.

— Нет, нет! — испугался дедушка Елизар, поднимаясь. — Будет... И то стравил вам целый двугривенный. Легко сказать...

Когда, старик вышел показать Емельке свою новокупку, охотник осмотрел ее добросовестно и похвалил, а потом отвел дедушку Елизара в сторону и проговорил:

— У тебя, сказывают, богатая платина идет?

— Врут, все врут, — отпирался дедушка Елизар.

— Перестань врать... Знаю все... Так вот што... значит, одолжи мне двугривенный. Как-нибудь справлюсь, тогда отдам.

— Што ты, што ты!... Да ты в уме ли?

Дедушка Елизар даже замахал руками, а потом рассердился...

— Тоже, нашли богача... Сейчас только

стравил целый двугривенный, да тебе дай двугривенный.

— Да ведь место-то мы вместе с тобою обыскивали? Цельных две недели я на тебя работал.

— А за што я цельных-то две недели кормил тебя?

Охотник Емелька молча повернулся, плюнул и зашагал под гору разбитой походкой, точно его несло ветром.

Кирюшка слышал весь этот разговор, и ему сделалось вдруг грустно. Ведь, дедушка мог дать двугривенный Емельке, и не дал. Это его скупость разбирает, как жаловалась мать. Кирюшке сделалось как-то особенно жаль больную мать. Вот и новая лошадь, и богатая платина, а кому от этого лучше? И Емельку дедушка тоже напрасно обидел. Происходило что-то нехорошее и несправедливое, и детское сердце Кирюшки больно сжалось.

XIV.

На Авроринский переехал из Тагила белокуроый Александре Алексеич, у которого книг было еще больше, чем у Федора Николаича. Господа жили между собой очень дружно, много читали и часто спорили. Александр Алексеевич занимался с Кирюшкой арифметикой и охотно объяснял все, что тот спрашивал: далеко ли солнце? Как делают часы? Куда идет платина? Отчего чорт боится петуха? Где конец света? Куда бежит вода? Отчего болят зубы? Некоторые вопросы приискового маленького дикаря заставляли Александра Алексеича смеяться, а он так смеялся, как только смеются очень добрые люди.

— Тебе хочется быть богатым, Кирюшка? — спрашивал Александр Алексеич, делая папиросу.

— А то как же? Всякому охота...

— А вот мне так нисколько не хочется.

Кирюшка не верил. Висимские мужики, а особенно старатели — только и мечтали, что о богатстве. Кирюшке казалось, что барин над ним смеется, как над маленьким.

— Нет, я серьезно говорю, — объяснял Александр Алексеич. — Если ты будешь богатый, так не наденешь на себя три шубы или не съешь три обеда за-раз?

— Нет.

— Значит, для чего же тебе богатство?..

— Жить веселее... Бросил бы работу, завел гармонию, сапоги со скрипом, пару лошадей, — мало ли што.

— А потом все это тебе надоест.

Но всего веселее было, когда на Авроринский приезжал к воскресенью Сергей Александрыч. Он точно привозил с собой веселье, и все начинали улыбаться. По вечерам у конторы устраивали хоровод, и Сергей Александрыч угощал всех пряниками и орехами, без которых не выезжал из Тагила. По всему прииску неслись веселые хороводные песни, а Сергей Александрыч выходил в средину круга и отплясывал русскую. Его все любили на прииске и называли «веселым барином».

— Уж Сергей Александрыч всякаго уважит! У него что ни слово, то прибаутка...

К осени Сергей Александрыч переехал в Висим, — он служил в заводской конторе, и

еще чаще стал бывать на Авроринском. Не любил его один Мохов, которого Сергей Александрыч так смешно передразнивал.

— Самый пустяшный человек, — говорил о нем Мохов. — Разве полагается барину плясать в хороводе? Я вот штегер, а и то ни в жисть не пойду, потому как это мне низко. Пусть мужики пляшут...

Под Момынихой дела шли бойко, и лучше всех — у Ковальчуков. Платина точно лезла из земли сама. Работало артелей двенадцать. Посчастливилось и Белохвосту. У него тоже шла хорошая платина. Это его примирило с Ковальчуками. Беда была только в том, что сам Белохвост любил выпить и выезжал на работу только во вторник, потому что в понедельник опохмелялся. На тяжелой приисковой работе пили много вообще, потому что и работа тяжелая, да и работать часто приходилось мокрым до нитки или по колена в студеной ключевой воде.

— Ах, Архип, Архип, не хорошо! — усовещивал его дедушка Елизар, не выносивший пьяниц. — Пропьешь все и опять ни с чем останешься...

— Дедушка Елизар, дай обрадоваться! — бормотал Белохвост. — Раньше другие радовались, а теперь наш черед.

В июле Белохвост купил лошадь и новую шубу и приезжал на прииск, несмотря ни на какую жару, в шубе. Другие старатели, заработав двести-триста рублей, тоже дичали и начинали пьянствовать. Бабы накупили ситцев, кумачных платков и тоже сорили деньгами. Сказывалась непривычка иметь деньги в руках, как и вообще на всех промыслах.

— Баловство одно, — ворчал дедушка Елизар, державший всю семью в ежевых рукавицах. — Деньги-то тоже к рукам.

Старший сыпь Парфен был весь в отца, такой же строгий и крепкий мужик, а зять Фрол оказался слабее и раза два приходил от Белохвостова на-веселе. Его жена, Мария, страшно боялась, как бы не узнал старик, и прятала мужа.

К осени у дедушки Елизара скопилось на руках рублей шестьсот, т.-е. целое состояние. Да еще рассчитывал он до зимы заработать рублей двести. На такие деньги можно было в Висиме устроиться хорошо. Первым делом

старик замышлял пристроить избу к старой, чтобы отделить зятя, а Парфен пусть поживет пока в задней. Потом надо поправить службу, купить корову, вообще — поднять все мужицкое хозяйство. Семья была большая, — по сапогам купить, так и то разоришься. А тут еще Ефим подрастал, того и гляди, — женить придется, значит, опять рублей полтора ста из кармане у старика. У старика все было рассчитано из копеечки в копеечку. Как-то не шел в счет один Кирюшка, точно он был большой и выделился из семьи. Дедушка Елизар только морщился, когда думал после всего о младшей дочери Анисье. Замуж пора девушке, значит, опять деньги, только здесь уж деньги, прямо выброшенные за окно, да еще работница из дома вон. Много было стариковских дум, а заработанные в лето деньги разлетятся, как птицы, только их пошевели.

В конце лета потерял свое место Мохов. Он напился пьяным у Белохвостова, приехал домой пьяный, ударил ни за что Спиридоновну и нагрубил Евпраксии Никандровне, когда та заступилась за кухарку.

— Я вам отказываю, Мохов — спокойно за-

явил Федор Николаич.

— Т.-е. как отказываете? — удивился Мохов.

— А так... Вы начинаете безобразничать. Так нельзя.

Когда Мохов проспался, он никак не мог поверить, что лишился места. Так это, просто барин хотел пострадать. Но барин стоял на своем. Вежливо так говорит и даже жалеет, а с места гонит. Мохов, наконец, озлился и ушел сам.

— Слава Богу, не пропадем! — повторял он. — Крымза, айда... Спасибо здешнему дому, — пойдем к другому.

Мохова больше всего занимал вопрос, кого возьмут штейгером вместо него; но этот вопрос разрешился очень просто: за работами взялся присматривать Александр Алексеич и взял к себе в помощники Кирюшку. Для Мохова ничего не могло быть обиднее. Он был убежден, что без него на прииске не обойтись, а тут берут какого то щенка. Пока Мохов устроился у Белохвостова, т.-е. ровно ничего не делал.

Охваченный жадностью, дедушка Елизар

работал до самой поздней осени, когда уже начались заморозки. Почти все другие старатели разъехались, а он продолжал морить семью на тяжелой осенней работе. Впрочем, Дарью отправили раньше, потому что она окончательно слегла.

Раз, перед заморозками, приехал из Висима веселый барин Сергей Александрыч и долго о чем-то говорил с Евпраксией Никандровной. Кирюшки ёкнуло сердце, когда она позвала его и сказала:

— Ты поедешь в Висим с Сергеем Александрычем. Твоя мать очень нездорова.

— А дедушка Елизар?

— Ну, ему все равно. Впрочем, я ему пошлю сказать...

Дорогой Сергей Александрыч как-то был особенно ласков с Кирюшкой и расспрашивал его о семье, о матери, об отце и о жизни вообще. Кирюшка, подъезжая к заводу, каким-то инстинктом понял беду и заплакал.

— Ты это о чем, Кирюшка?

— Да ведь умерла моя мать...

— Когда я уезжал, она была жива, только очень плоха.

Дарья, действительно, умерла, не дождавшись Кирюшки, о котором особенно тосковала. Это она послала Настю к «веселому бариону», чтобы как-нибудь вызвать сына с прииска. Кирюшка ужасно плакал и никак не мог себе представить, что матери уже нет, и что он больше не увидит ее никогда. Мысль о смерти дорогого существа никак не укладывалась в его голове. Ему все казалось, что это только так, пока, а потом все будет по-старому.

Дедушка Елизар огорчил Кирюшку окончательно, когда начал ворчать, что Дарья и умерла-то не во-время, когда еще работу не успели кончить на прииске, и что денег сколько нужно истратить на похороны, и что двух сирот оставила. А тут еще, того гляди, Парфен захочет жениться на второй жене, — опять расход, да еще какая попадет мачеха на детей. Одним словом, выступила наружу безжалостная правда жизни бедных людей, у которых связано каждое горе с целым рядом других неудач и огорчений, — только дедушка забывал, что теперь он уже не был таким бедняком, что отлично понимал Кирюшка и

обижался за мать.

Парфен жалел жену вполне искренно, но молчал. Только раз он проговорил, когда шел с Кирюшкой с кладбища:

— Эх, Кирюха, Кирюха, не так думали мы с матерью-то прожить... Ничего не поделаешь: на все воля Божья.

Жалела Дарью еще маленькая Настя, но ее детского горя никто не замечал.

XV.

Вторая зима, проведенная Кирюшкой на Авроринском, навсегда осталась у него в памяти, как хороший сон. Он уже бойко читал и начинал порядочно писать. Александр Алексеич занимался с ним каждый день, и Кирюшка делал быстрые успехи. Сейчас дела на прииске было не много, как и всегда зимой. Кирюшка рано утром обходил работы вместе с Александром Алексеичем и записывал в приисковые книги все, что было нужно. Он быстро освоился с своей новой должностью и мог вести дело вполне самостоятельно, несмотря на свои тринадцать лет.

— Да он лучше Мохова может все делать, — удивлялась Евпраксия Никандровна смешлености Кирюшки. — Вообще, эти заводские очень способный народ. Не сравнишь с деревенскими детьми.

Особенно хорошо было по вечерам, когда все собирались в конторе около топившейся печи. Огонь нарочно не зажигали подольше и «сумерничали», как говорят на заводах. Кто-нибудь что-нибудь рассказывал, и Кирюшка

узнал многое такое, о существовании чего и не подозревал. Александр Алексеич в его глазах был еще учение, чем Федор Николаич, потому что у него был микроскоп, самая удивительная штука, какую только Кирюшка увидал. Дома, в Висиме, его поднимали на смех, когда он рассказывал, что под микроскопом мышьяная нога кажется величиной с собачью, а песчинки — с настоящий камень, каким Тимка чуть не вышиб ему глаз.

— Перестань хвастать, — оговаривал Кирюшку дедушка Елизар. — Статочное ли это дело?.. Так, баловство.

Еще больше удивлялись, когда Кирюшка рассказывал о платине, что она главным образом добывается только на Урале, а потом — в Америке, на острове Борнео и еще кое-где попутно с золотом; что платина тяжелее золота (удельный вес — 17, 19), что она плавится в полтора раза труднее золота (золото при 1000° , а платина — при 1500°), что из нее приготавливаются кубы для добывания кислот, лабораторные тигли и разные штуки для физики и химии. Старатели только качали головами, слушая Кирюшку, а когда он стал объяс-

нять, что земля круглая, — не поверили. Мохов нарочно ходил в заводскую контору спросить у Сергея Александрыча относительно земли и все-таки не поверил.

— Известно, господа сговорились между собой и морочат нас, дураков. Но что Миныч, и тот господскую руку туда же держит. Круглая земля, а как же я столько места изъездил и не замечал? Да еще вертится... Грешно это и говорит-то, и больше ничего.

Относительно верчения земли Кирюшка и сам немного сомневался и особенно не настаивал на этом пункте.

Дедушка Елизар усиленно хлопотал около домашности и был счастлив. Парфен и зять Фрол возили из лесу бревна для будущей пристройки, и новая лошадь пригodiлась, как нельзя лучше. Зиму еще семья должна была перебиться по старому, а ранней весной должна была начаться стройка. Поправлены были сарай и баня, куплены новые пошевни (сани с лубком), конская сбруя, разная одежда, — словом, семья Ковальчуков обзаводилась по настоящему, как и следует быть исправной крестьянской семье.

Дедушка Елизар пользовался побывками Кирюшки, чтобы записать расходы, старику начала изменять память.

— Ты у нас грамотей, Кирюшка, ну, значит, и пиши.

Кирюшка, с своей стороны, начал замечать, что дома, в Висиме, он как-будто немного чужой и многого не понимает, а на Авроринском — точно у себя в семье. Его так и тянуло на прииск. Не нравились ему висимские разговоры, — говорили больше о деньгах, как по выгоднее что купить, где подешевле найти и т. д. Кирюшку тянуло в Висим только одно — маленький братишка Илья. Ему было уже два года, и он начинал ходить довольно бойко. Кирюшка хорошо помнил наказ умиравшей матери и ревниво следил за братом. Ребенок оставался на полном попечении приемыша Насти. У баб своего дела было по горло, а тут еще у Марьи родился свой ребенок. Сиротка Илья рос как-то так, сам по себе. Его счастье, что Настя была добрая и ухаживала за ним, как настоящая мать. Кирюшка это ценил и потихоньку привозил с прииска разных гостинцев, какие самому случалось полу-

чать. Настя всегда краснела от радости и конфузилась.

— Ты только смотри за Илюшкой в оба, — наказывал Кирюшка тоном большого человека. — Покойная мать вот как просила, чтобы не оставлять. Известно сирота...

Настя обижалась на такие советы.

— Да ведь он махонькой, как его оставить? — удивлялась она.

Кирюшка любил поговорить с Настей о матери. Другие как-то не вспоминали Дарью, точно ее и на свете не бывало. Отец угрюмо молчал, и Кирюшка не смел заговаривать с ним сам. Зато с Настей он отводил всю душу. Дети, наученные сиротством, говорили теперь, как большие.

— Думаешь, женится скоро отец? — спрашивал Кирюшка: мысль о мачехе беспокоила его больше и больше с каждым днем.

— А то как же? Безпременно женится... Раньше-то Дарья весь дом поворачивала, все она и везде попевала, а теперь-то и некому ее заступить. Тетка Марья вон с ног в одну осень сбилась, а тут еще свой ребенок; бабушка Прасковья стара стала, — походит, и спина

у ей сейчас отымается; Анисья, того гляди, замуж выйдет. Кто же дом поведет без бабы?

Кирюшка сам понимал, что без бабы нельзя, и еще больше жалел мать.

— Когда тебя привели к нам, — рассказывал он, — мать-то вот как испугалась... Беднота была, каждая корочка на счету, не то, что теперь. Ну, а потом мать-то тебя и пожалела. Куда деться-то круглой сироте? Мать-то добрая была, добрее всех...

Настя слушала этот рассказ, повторявшийся с разными вариациями, со слезами на глазах. Она каждый день молилась за упокой души Дарьи и называла ее про себя матерью. В ее глазах Кирюшка был родным, и это родство делалось все ближе, благодаря маленькому Илюшке. Когда приезжал Кирюшка с прииска, Настя передавала ему о всех успехах, которые делал маленький Илья.

— Он уже все понимает, — трогательно уверяла Настя. — И знает, когда ты приедешь с прииска.

— Как же он может знать? — сомневался Кирюшка.

— А вот знает. Как начнет поглядывать в

окошко, как полезет к дверям, — я и знаю, что ты едешь. Он умный, Илюшка-то...

Об этих заботах Кирюшки узнала Евпраксия Никандровна и ужасно была рада. Ведь доброе сердце — самое главное в каждом человеке. Прямо она ничего не говорила Кирюшке, а расспрашивала его о семье к слову, как будто невзначай. Кирюшка с детской откровенностью рассказывал все и строил разные планы.

— Отец женится, ну, пойдут у него другие дети, — рассуждал он тоном большого человека, который особенно нравился «солдатке». — Уж тогда Илюшка будет совсем лишний. У ма-чехи-то всего натерпится. Тоже вот и Насте плохо придется.

— Чего же ты думаешь делать?

— А вот еще подросту малость, тогда...

— Что тогда?

— Ну, значит, возьму Илюшку к себе. И Настю тоже...

Незадолго до Рождества на Авроринский приехал дедушка Елизар. Евпраксия Никандровна встретила его довольно холодно.

— Тебе что-нибудь нужно, старик?

— Воопче, так, сударыня... Значит, на счет Кирюшкина жалованья.

— Ну, нет, это ты оставь. Кирюшкино жалованье так и пойдет Кирюшке... Я удивляюсь, что это ты говоришь. Слава Богу, сейчас у тебя свои деньги есть.

— Какие деньги, сударыня, помилуйте. Вот сына после святок буду женить, — вот и деньги понадобились.

— Которого сына?

— А Парфена...

— Жени на свои, а Кирюшкиных денег я не дам. Я думала гораздо лучше о тебе...

Действительно, в рождественский мясоед Парфен женился. Сноху дедушка Елизар выбрал в бедном доме и некрасивую, но работающую.

— С лица-то не воду пить, — объяснил старик.

XVI.

Семья Ковальчуков начала быстро богатеть. Все нужды большого крестьянского дома были покрыты, и оставались еще свободные деньги. За второе лето под Момынихой Ковальчуки взяли больше тысячи. Мужики приоделись, бабы щеголяли в новых кумачных платках; но дедушка Елизар не позволял баловаться и крепко держал деньги при себе. Бабушка Парасковья тоже сделалась точно скупее и постоянно попрекала Настю каждым куском хлеба.

— Ох, уж эта мне дармоедка, — ворчала старуха при каждом удобном случае. — Ведь маленькая, а съест за большую.

Настя не раз потихоньку плакала, вспоминая добрую Дарью. При ней не то было. Новая сноха оказалась ленивой и глуповатой, и ей тоже доставалось. Хозяйство пришлось вести Марье, жене Фрола, и она постоянно говорила:

— Разве так при Дарье было? Не смотрели бы глазыньки... Все у нас через пень-колоду выходит. Тоже взяли сноху в дом, а она и сту-

пить не умеет.

Нахлынувшее богатство принесло дедушке Елизару много новых забот, главной из которых являлось то, что не хватало рабочих рук. Старуха-жена оставалась дома, дочь Марья, занятая ребенком, работала в половину, младшая дочь, Анисья, того гляди, выйдет замуж, молодая сноха оказалась ленивой, маленькая Настя помогала бабушке, — вообще, от баб немного было пользы. Мужики еще работали, хотя зять Фрол начал «зашибать», — нет-нет и напьется. Вся надежда оставалась на младшего Ефима, которого старик собирался женить, — значит, в доме будет новая работница. И все-таки мало своей силы. Братъ чужого человека дедушка Елизар долго не решался. Как-то оно не подходило.

Дело устроилось само собой. Бывший штейгер Мохов шлялся по промыслам без всякого дела и пристал к семье Ковальчуков. Лошадь он давно пропил и работал за поденщину, как простой рабочий.

— Что-же, поработай с нами, — согласился дедушка Елизар. — Только не поглянется тебе после легкаго-то житья в конторе.

— Ну, ее, контору, — ворчал Мохов. — Ты и Кирюшку оттуда возьми, дедушка. Избалует-ся он там...

Мохов хоть этим путем хотел отомстить «солдатке», которую считал главной виновницей своего падения. Дедушка Елизар и сам много раз подумывал о том же, но все как-то не решался. Положим, Федор Николаич его обидел тогда относительно дялянок, а «солдатка» не выдала Кирюшкиного жалованья, а все-таки через них он и жить пошел. Легкая рука у «солдатки», — тогда на ее деньги он обыскал с Емелькой платину под Момынихой.

Когда Мохов не пил, он работал, как вол, и при том был простоват. Дедушки Елизара он побаивался, хотя и ворчал про себя. С ним вместе пришла и собака Крымза, с которой они за что не хотел расстаться. Из-за этой собаки Мохов готов был драться, и сам дедушка Елизар, не выносивший собак, ничего не мог поделать.

— Может, Крымза поумнее другого человека, — уверял Мохов совершенно серьезно. — Она все понимает, ежели ей сказать хоро-

шенько.

Приглядевшись за лето к Мохову, дедушка Елизар начал что-то соображать про себя. Старик, вообще, не любил делиться с кем-нибудь своими мыслями и раздумывал один. Кто же может что-нибудь понимать в его делах?

Заходил иногда под Момыниху охотник Емелька. Он ходил все таким же рваным и был рад, если Марья раздобритя и покормит чем-нибудь. Денег у старика Емелька больше не просил, но дедушка Елизар почему-то его не взлюбил. Что он зря шатается по промыслам? А то усядется с утра куда-нибудь на кучу перемывок и торчит целый день, как сыч.

— Шел бы ты, Емельян, своей дорогой, — оговаривал его дедушка Елизар, начиная сердиться. — Што зря-то торчать тут? Не видал, што ли, как добрые люди работают?

— А тебе места жаль, — огрызнулся Емелька. — Не бойся, ничего с собой не возьму. Обжаднел ты совсем, Елизар, вот я и гляжу на тебя.

— Тебе-то какая забота?

— А такая... Вместе обыскивали платину. Забыл, видно? Недаром говорится, что с бога-

тым мужиком, как с чортом, — не сговоришь.

— Ну, ну, будет тебе.

— Обрадовался платине, — не унимался Емелька, — только взять ее не умеешь.

— У тебя не буду учиться. Уходи, говорят.

— И уйду.

Емелька как-то странно смеялся и уходил. Дедушка Елизар каждый раз чувствовал себя не по себе при этом Емельке, и ему делалось немного совестно. Действительно, вместе обыскивали платину. Ну, так что же из того? Емелька тут при чем?

Под Момынихой платина шла хорошо, и все старатели зарабатывали порядочные деньги. Дедушка Елизар с завистью смотрел на них, когда они в субботу приходили в контору, точно они сдавали его собственную платину. А все Федор Николаич виноват, — заартачился, точно на пень наехал. Дедушка Елизар не мог этого забыть и несколько раз говорил самому Федору Николаичу:

— Обидел ты меня тогда, Федор Николаич!

— Перестань грешить, старик, — отвечал Федор Николаич. — Чего тебе еще нужно? Слава Богу, зарабатываешь хорошо...

— Вот сына младшего надо женить... Того гляди, дочь придется выдавать замуж. Все деньги.

— Ничего, хватит. Очень уж ты жадный стал... Надо и другим заработать.

Евпраксия Никандровна не разговаривала больше с дедушкой Елизаром, потому что не любила жадных людей. Она боялась только одного, что старик рассердится и возьмет Кирюшку. А мальчик продолжал учиться и за зиму успел много сделать. Вообще, такой способный и толковый мальчик.

Осенью, когда кончились работы, дедушка Елизар высватал невесту Ефиму. На этот раз он породнился с богатым домом. Дочь Марья и жена Парфена вперед ворчали на старика:

— Вот ужо покажет тебе богатая-то сноха.

Бабушка Парасковья тоже была недовольна, хотя и молчала. Богатые-то привыкли жить по-богатому, а они все живут по-прежнему. Только и всего, что долгов нет, лошадь купили, избу пристроили да одежду кое-какую завели. Где же тут за богатыми тянуться...

А дедушка Елизар все считал и не мог придумать, как бы обернуться со свадьбой поде-

шевле. У денег-то ведь нет глаз. Старику делалось даже страшно, когда, прикинув в уме, он насчитывал свадебных расходов рублей двести. Такую сумму не вдруг и выговоришь. Даже по ночам ему грезились эти свадебные расходы. А ничего не поделаешь. Нельзя от других отставать. Прежде в Висиме жили куда проще, а нынче богатеют от платины и всякие выдумки выдумывают.

Наконец, старик придумал, как вывернуться, и объявил первой бабушке Парасковье:

— Ну, старуха, выдаю Анисью замуж. Будет ей в девках сидеть...

Бабушка Парасковья так испугалась, что долго не могла выговорить ни одного слова. Ей почему-то сделалось жаль дочери. Она не смела даже спросить, какого жениха нашел старик дочери. А дедушка Елизар улыбался и объяснил:

— Зятя в дом возьмем, — вот и работник будет. Да и Анисья с нами останется... Так я говорю? Хе-хе? А главное, Анисьину свадьбу сыграем вместе с Ефимовой. Уж за одно трапиться... Два работника новых и придут: и

зять, и сноха. Вот какое дело я удумал...

— Да кто жених-то?

— А ты вот придумай его, жениха моего...

Далеко не ищи.

Вся семья ахнула, когда оказалось, что этот жених — Мохов. Бабы накиннулись на старика, как осы. Больше всех бунтовала дочь Марья.

— Ни кола, ни двора у твоего жениха. Ужо напьется пьяный, тебя же прибьет. Хорошаго жениха высмотрел... Не нашел хуже во всем Висиме. Тоже удумал...

— Бабы, не шуршать! — кричал дедушка Елизар. — Што хочу, то и делаю, Не вашего ума дело...

Анисья, как полагается невесте, пряталась ото всех и голосила на чем свет стоит. А тут еще другие бабы расстраивают:

— Это старик от хитрости придумал. Видимо, польстился на даровую работу новаго зятя и выбрал голь перекатную. Да и свадьбы обе дешевле за-раз сыграть. Не ему жить-то с таким женихом...

Вообще в семье Ковальчуков шли сильные раздоры, и только молчали, по обыкновению,

мужики. Зато жених, Мохов, был совершенно счастлив. Он всем рассказывал, что старик дает в приданое за дочерью триста рублей.

— Вот как заживем с Анисьей, — хвастался Мохов. — Старик-то думал, што я буду под Момынихой платину мыть. Как бы не так... Будет, поработали в свою долю.

— Чего же ты будешь делать, Мохов? — спрашивали любопытные.

— Я-то? А я думаю свою штучку... Старик-то вот как после благодарить будет.

— Поблагодарит он тебя черемуховой палкой, которая потолще.

Между прочим, Мохов отправился на Авроринский и заявил, что желает видеть самого Федора Николаича. Тот вышел.

— Ну, что, Мохов? Как поживаете?

— Ничего, славу Богу, Федор Николаич, живем, нога за ногу, не задеваем. Жениться хочу, Федор Николаич, так вот приехал вас на свадьбу звать. И Евпраксию Никандровну и Александра Алексеича... Уж вы не обидьте меня, не откажите. Конешно, свадьба у нас мужицкая, а все-таки порядки мы можем понимать.

Федор Николаич пообещал приехать на свадьбу. Когда дедушка Елизар узнал об этом, то только ахнул. Вот так удружил будущий зятек...

— Ничего, красного вина купим для господ, — объяснял Мохов.

— Да ведь деньги нужны, малиновая голова! Где у тебя деньги- то?

— А для кого я старался-то? Ведь все для тебя же хлопочу... Ах, какой ты непонятный!.. Другие-то пусть завидуют, как у вас смотритель будет пировать на свадьбе... Самовар вот только надо купить будет.

— Самовар?!

— А то как же! Без самовара никак невозможно... Мы уж, значит, должны на такую линию выходить, ежели с господами знаться.

На этом пункте дедушка Елизар уперся. Какой там самовар? — ни за что. Это расходам конца краю не будет, Но Мохов вывернулся и тут. Он устроил так, что невеста Ефима в числе приданого должна была принести и самовар.

— Ничего я не знаю, — говорил дедушка Елизар в отчаянии. — Разорите вы меня, вы-

думшики. Как мы этот самый самовар пить будем?

— Ничего, дедушка, — успокаивал Мохов. — Такая уж линия подошла. Вот еще как полюбишь чай пить.

Свадьба у Ковальчуков вышла совсем побогаче, и набрались в гости все богатые мужики. Приехали и Федор Николаич с женой, и Александр Алексеич, и Сергей Александрыч. В избе было тесно и жарко, как в бане. Бабушка Парасковья все угощала Евпраксию Никандровну, приговаривая:

— Кусай сахару-то, матушка, кусай больше. Недаром деньги плачены...

В самый разгар веселья произошло то, чего никто не ожидал. Непивший Парфен выпил для молодых, захмелел и начал буяннить.

— Чему обрадовались-то? — кричал он на гостей. — На нашем горбу старик все ехал... да!.. А теперь с богачами стал знаться... Небось, мою свадьбу справлял, как нищего...

Жена напрасно уговаривала расходившегося Парфена. Он только больше разозлился и заговорил уж совсем несообразно:

— Знать ничего не хочу! Будет... Отделюсь

от отца. У меня своя делянка есть... Проживем и без него. Пусть теперь с богатой снохой поживет да с зятем щеголем.

Дедушка Елизар сидел и молчал. Свадьба вышла хуже похорон: отделится Парфен, и другие захотят делиться. Останется он с новым зятем. Потом старик пробовал было унять буянившего Парфена, но тот взял жену и ушел.

— Прощай, родитель. Не поминай лихом... Первую жену заморил на твоей работе, а вторую уж не буду морить.

XVII.

Кирюшка тоже был на свадьбе, но он чувствовал себя чужим на этом общем веселье. Он почти все время пробыл в задней избе, где собрались ребята. Илюшка уж ходил и кое-что говорил на своем детском языке. В течение лета Кирюшке не случилось быть дома, потому что в конторе много было работы, и его удивило, как выросла Настя.

— Ведь скоро ты и совсем большая будешь, — говорил Кирюшка.

— Нет, еще долго, — отвечала Настя. — Год да еще год, — еще год, да еще год, — ух! долго.

Настя не умела сказать: через пять лет. Дети говорили между собой, как большие. Настя жалела, что тетку Аннсю дедушка выдал за муж за Мохова, и Кирюшка тоже. Все равно не будет проку. Кирюшка кстати рассказал, как Федор Николаич тогда прогнал Мохова со службы за пьянство и дерзости.

— Где жить-то будем теперь? — соображала Настя. — И раньше-то вот как теснились по зимам, а теперь и совсем будет негде вернуться.

Эта «теснота» разрешилась сама собой. На другой день после свадьбы Парфен хоть и проспался, но не забыл вчерашнего. К нему неожиданно присоединился зять Фрол, главным образом, его жена, Марья.

— Сбесился совсем наш старик, — жаловалась она. — Пусть теперь своих «молодых» морит на работе, а нам будет. Сколько угодно работай, а все равно толку никакого не будет.

Марья любила брата Парфена и теперь хотела следовать его примеру. Нечего больше ждать, и надо самим устраиваться.

— Ничего, какнибудь устроимся, — успокаивал её Парфен. — Проживем не хуже других.

Зять Фрол был смирный человек и один никогда не решился бы на такой важный шаг. Он привык слушаться во всем жены, и теперь соглашался с ней.

— Делянки-то наши, — соображал Парфен. — Пусть отец останется со своей делянкой, а мы возьмем свои. Зиму-то как-нибудь перебьемся...

Кирюшка был свидетелем этих переговоров, и ему было жаль, что семья делится. Как

раньше-то дружно жили, а тут все в разные стороны разбредутся. Ему делалось страшно главным образом за Илюшку, который теперь уж совсем останется на руках у мачехи. Бабушка Парасковья все-таки была родная и не дала бы внучка в обиду. Потом, что будет с Настей? А вдруг, ежели дедушка Елизар оставит ее у себя? Мачеху Кирюшка не любил, ленивая она и вся какая-то нескладная.

Пока гости пировали на другой день после свадьбы, Парфен отправился к охотнику Емельке. Он жил один в своей избе бобылем. Хозяйства у него не велось, кроме одной собаки, и изба начинала рушиться. Парфен оглядел все хозяйским глазом и решил, что зиму можно будет перебиться как-нибудь у него. Поправить немного крышу, да службы, да ворота, — только и всего. — Изба холодными сенями делилась на две половины, — в передней поместится Парфен с семьей, а в задней — Фрол.

— Ничего, места всем хватить, — говорил сам Емелька. — Я сам поправлять собирался, да все как-то руки не доходили.

— Ну, вот тебе все и поправим, — говорил

Парфен.

— Ты зиму-то на задней половине у Фрола проживешь. У него всего один ребенок.

— Обо мне-то что говорить... Вот снег выпадет, — только меня и видели. Домой-то только к праздникам выхожу.

Дедушка Елизар никак не думал, что все дело повернется так круто. Он был уверен, что Парфен наболтал с пьяных глаз, а потом образумится. У старика опустились руки, когда к Парфену присоединилась Марья. Она была упрямая, вся в отца, и с ней не сговоришься. Из дому сразу уходили четыре даровых рабочих силы.

— Как же это так? — удивлялся старик. — Ведь, для них же я старался, а они — делиться.

Сам он не хотел вести переговоров с бунтовщиками, а послал для этого бабушку Парасковью. Но из этого ровно ничего не вышло. Бабушка Парасковья только плакала, а под конец даже согласилась с детьми, что отдельно лучше будет всем.

— Вот только как со стариком-то будем, — охала бедная старуха. — Крут он сердцем-то. Пожалуй, ничего в отдел не даст вам.

— И пусть не дает, — говорил Парфен. — Делянки-то ведь у нас остаются. Все наживем помаленьку...

— Не попустится старик делянками-то. Хлопотать будет...

— И пусть хлопочет. Только добрых людей насмешит. Мы его ничего не берем и своего не отдадим.

Старик, действительно, принялся хлопотать и первым делом отправился на Авроринский к Федору Николаичу. Начал он издалека, с жалобы на непокорных детей, но Федор Николаич с ним не согласился.

— Ты бы сам их должен был выделить, старик, трудно в большой семье жить. Тебе же будет лучше...

— Лучше-то, лучше... — мялся старик. — Конечно, не маленькие. Пусть своим умом поживут. Это, конечно, тово... А вот делянки я им не отдам, Федор Николаич.

— Опять не выйдет, старик...

— Как не выйдет?

— Делянки записаны на Парфена и на Фрола. У тебя твоя останется...

— Ведь я обыскал платину-то?

— Нельзя же все дялянки отдать тебе одному. Надо и другим на свою долю заработать. Ты теперь поправился, есть и деньжонки про черный день, — чего же тебе еще нужно?

Дедушка Елизар этим не удовлетворился и отправился хлопотать в Тагил к арендатору приисков. С ним поехал и Мохов, клявшийся всем, что «выворотит» дялянки. Но из этой поездки ничего не вышло, и дедушка Елизар вернулся домой темнее тучи.

— Ничего я им не дам в отдел, — грозился старик. — Не хотят уважать отца, ну, и пусть казнятся.

Через неделю после свадьбы Парфен и Фрол переехали в избу Емельки, и начавшая богатеть семья Ковальчуков распалась. Впрочем, под конец дедушка Елизар как-будто смирился.

— Что же, значит, такая уж Божья воля, — решил он. — Я им зла не желаю. Не умели жить с отцом, так пусть поживут своим умом. Захотели умнее отца быть...

Все-таки в отдел сыну и дочери старик ничего не дал.

— Когда помру, то пусть делятся, как зна-

ют, — решил он.

Настя ушла с семьей Парфена. Когда де-душка Елизар спросил ее, куда она хочет, де-вочка сквозь слезы ответила:

— Я, дедушка, — к Илюшке...

— Ну, вот умница, — похвалил старик. — Что хорошо, то хорошо. Тебе Бог на сиротство счастье пошлет...

Кирюшка был чрезвычайно рад, что Настя переехала от дедушки к отцу. Участь маленького Илюшки этим обеспечивалась. Ему было жаль дедушки Елизара, которого он любил.

— Ничего, все обойдется, — успокаивала его «солдатка» — Мало ли в семьях ссорятся, а потом и помиряются.

Евпраксия Никандровна знала все семейные дела Кирюшки и принимала их к сердцу. Она тоже радовалась, что Настя по-прежнему осталась при маленьком Илюшке. Трудно расти такому маленькому без матери. Глядя на Кирюшку, «солдатка» иногда говорила:

— Что-то из тебя будет, Кирюшка? Вырастешь ты большой, будешь зарабатывать деньги, научишься пить водку...

— Нет, я не буду водку пить, — отвечал Ки-

рюшка.

В мальчике уж рано сказывался твердый отцовский характер, он не походил на других приисковых ребят, как Тимка Белохвост. У него и мысли были совсем не-детские. После свадьбы, например, он с огорчением рассказывал Евпраксии Никандровне, как страшно пили висимские мужики, как горланили песни, и, вообще, безобразничали. Он уже отвык от своих и невольно сравнивал с тем, что делалось в конторе. Пили иногда и здесь, но не до-пьяна, а как пьют настоящие господа — за обедом или за закуской. Начнут громче говорить, примутся спорить, сделаются веселее, — и только. Федор Николаич пил всего одну рюмку перед обедом. Кирюшка давно это заметил, и его неприятно поразил мужицкий свадебный разгул.

Теперь приисковые книги Кирюшка вел почти один. Александр Алексеич только иногда его проверял, редко находил какую-нибудь арифметическую ошибку, что страшно конфузило Кирюшку каждый раз. По этим книгам Кирюшка видел, сколько кто зарабатывал на промыслах. Больше всего зарабаты-

вали висимцы. Было уже несколько десятков настоящих богатых семей, которые «пошли жить от платины». Ближе Висима была деревня Захарова, но там как-то не богатели. Работали на приисках черновляне, т.-е. из Черноисточинского завода, утчане — из Висимо-Уткинского завода, тагильцы, но из них никто не богател. Висимцы были счастливее.

Зима досталась отделившимся Парфену и Фролу довольно тяжело; но их утешало то, что теперь они работают только на себя. Каждая копейка шла в свой дом. А у дедушки Елизара все не ладилось в дому. Молодая сноха и слышать не хотела о работе на прииске.

— С чего это взяли, что я буду в грязи топтаться? — заявляла она прямо в глаза дедушке Елизару. — И брали бы сноху из бедной семьи.

Дедушка Елизар только кряхтел. Разве смели раньше снохи так разговаривать с ним? Ефим был какой-то вялый и не умел держать жену в руках. Но больше всего огорчал старика Мохов, с которым не было никакого сладу. Домашней работы Мохов не хотел знать, а напьется чаю, закурить цыгарку и уйдет ку-

да-нибудь на базар. У него везде были знакомые, дружки да приятели. Правда, со стариком он никогда не ссорился, а всячески старался ему угодить.

— Погоди, старичок, вот как мы с тобой заживем, — уверял он дедушку Елизара. — Работой-то никого не удивишь. Да... Ты хошь из своей кожи десять раз вылези. Конешно, оно приятно, когда идет, примерно, богатая платина, а все-таки не настоящее дело. Сегодня она идет, а завтра и след простыл.

— Что же, по-твоему, настоящее? — спрашивал дедушка Елизар.

Мохов долго ломался, прежде чем сказать свой секрет. Когда он сказал, что будет торговать на базаре разным крестьянским товаром, дедушка Елизар подумал, что Мохов спятил с ума.

— Очень даже просто, — уверенно объяснил Мохов — На пятьсот рублей куплю товару на наличные, а на пятьсот мне отпустят в долг. Только и всего... Другие торгуют же, и мы будем торговать. Посиживай себе в лавке. Ни этой приисковой грязи, ни дождем тебя не мочит, да еще все будут кланяться...

— Нет, ты сбесился! — уверял дедушка Елизар. — Тебя надо веревкой связать.

— Нет, серьезно, дедушка. Ты подсчитай-ка... Торговец со всего берет барыш, с жареного и вареного.

В течение зимы Мохов надоел дедушке Елизару своими наговорами. Возьмет еще счеты и начнет подсчитывать будущие барыши. Выходило так, что, действительно, выгоднее дела нет. Ото всякой мелочи прибыль, — где пятачок набежит, а где и целый гривенник. Только, знай, получай деньги да клади в кошелек. Мохов какими-то путями пронюхал, что у дедушки Елизара хранится около тысячи рублей и делался все настойчивее.

— Да ведь нас засмеют, когда мы на базар выйдем! — говорил дедушка Елизар. — Будут говорить: вот новые торговцы — старые нищие. Тоже совестно...

— А ты пока не выходи на базарь. Я один буду орудовать. У меня разговор вот какой легкий... Сделай милость, за словом в карман не полезуй. А вечером приду домой, — на, считай барыши, так я говорю? Зимой-то все равно нечего делать.

Все только ахнули, когда дедушка Елизар вдруг расступился и отвалил Мохову целых триста рублей. То дрожал над каждой копейкой, а тут отвалил целый капитал. Дочь Марья не вытерпела и побежала к отцу.

— Ты это что же, батюшка, делаешь-то? Мы, ведь, зарабатывали деньги своим горбом, а ты их травишь Мохову...

— А вот и буду травить, — упорно отвечал старик. — Никто мне не указ. Что хочу, то и делаю.

Это было целое событие, когда Мохов выстроил себе на базаре маленькую лавчонку и привез из Тагила первый воз разного крестьянского товара. Тут были и конская сбруя, и чекмени, и крупа, и шапки, и деготь, и сахар, и табак, — получай все, чего только душа хочет.

— Эй, поштенные! — говорил Мохов, раскланиваясь с обступившим новую лавку народом. — Берите товар поскорее: сегодня на деньги, завтра в долг.

Дедушка Елизар не вышел на базар, а просидел весь день дома. Ему вдруг сделалось совестно, и он понял, какую глупость сделал, до-

верившись пустым словам Мохова.

XVIII.

Наступило лето. У Кирюшки работы было по горло. Приходилось вставать рано, а ложиться поздно. Он не любил, когда нужно было идти под Момыниху, где работали свои. Особенно ему было больно смотреть на дедушку Елизара, который ходил точно в воду опущенный. Дело в том, что Мохов проторговался в каких-нибудь три месяца — половину товара роздал в долг, а другую размотал. В долг самому ему в Тагиле товара не поверили, а денег дедушка больше не дал. Так вся торговля и кончилась.

— А все старый чорт виноват! — ругался Мохов. — Ну, дай еще рублей триста, дело совсем хорошо пошло бы, а он уперся, как бык, своей пользы человек не понимает, значит, ничего ты с ним не поделаешь...

И на прииск Мохов не выехал, а отправился в Тагил подыскивать себе какое-то место.

— Низко мне с вами в грязи валандаться, — объяснил он старику. — Я к этому не привык...

— А как же раньше-то у нас работал? — ко-

рил его дедушка Елизар.

— Мало ли что было раньше.

Жена Мохова, Анисья, оставалась у отца и работала, как прежде. Всего на делянку приходилось четыре человека: сам старик, Ефим с женой да Анисья. Но платина шла хорошая, и жить было можно. Рядом на делянках работали Парфен и Фрол. У них тоже дело шло хорошо, и за работой как-то все помирились. Дедушка Елизар отделил им одну лошадь, разную приисковую снасть и при случае помогал. Старик, вообще, как-то заметно опустился и сделался добрее, а дочери Марьи даже как-будто побаивался.

Справившись немного, Парфен первый начал нанимать поденьщиков, а потом и Фрол тоже. Своей силы не хватало. Один дедушка Елизар крепился и не брал в свою артель никого чужого. Молодая сноха любила Ефима и помирилась с приисковой работой. Вообще, Ковальчуки пошли в гору, и Архип Белохвост с завистью заговорил:

— Раньше одной лопатой загребали платину, а теперь гребут в три лопаты. Счастье этим Ковальчукам...

В середине лета произошло событие, которое изменило всю жизнь Кирюшки. Как-то приехал из Тагила Федор Николаич, ездивший сдавать платину, и долго говорил о чем-то с женой. Утром Евпраксия Никандровна за чаем сказала Кирюшке:

— Ну, Кирюшка, дело наше плохо... Аренда приисков кончилась, и они переходят опять к Демидову. Значит, будут здесь служить свои демидовские служащие...

— А как же вы, Евпраксия Никандровна?

— Как мы, — пока ничего неизвестно. Придется устраиваться как-нибудь по другому. Мы-то устроимся по-маленьку, а вот как ты?

— Не знаю... — ответил Кирюшка, — К отцу пойду работать.

— Ты уж теперь большой и не пропадешь. Может быть, захочешь устроиться при конторе? Можно будет похлопотать...

— Нет, я без вас не останусь!

— Как знаешь.

У Кирюшки блестели слезы на глазах, и Евпраксии Никандровне сделалось его жаль. Славный мальчик и учился хорошо, а теперь приходится все бросать. Подумала «солдатка»

взять Кирюшку с собой, но он отказался.

— А как Илюшка-то без меня останется? — объяснила он. — Мать крепко наказывала, чтобы я его не оставлял.

Сначала Настя с Илюшкой оставались в Висиме, а потом, когда была выстроена избушка под Момынихой, — ее перевезли на прииск. Теперь Насте приходилось нянчить-ся и с ребенком Марьи. Девочка-приемыш уж не ела даром чужого хлеба, а зарабатывала его своим детским трудом. Марья ее любила и заботилась о ней. А Марья, что захочет, так поставит на своем. Уж такая уродилась.

Когда Кирюшка рассказал отцу, что аренда промыслов кончается, Парфен сначала, по обыкновению, помолчал и потом уже сказал:

— С нами будешь, значит, жить... Отвык, поди, от нашей работы?

— Нет, ничего.

Парфен очень жалел, главным образом, «солдатку», которая так ухаживала за Дарьей. Добрая эта «солдатка», хоть и курит цыгарки. Потом ему было жаль Кирюшки. Что он будет болтаться на грязной приисковой работе, — в конторе-то куда ему было лучше. В люди бы

вышел со временем. Теперь уж Кирюшка читал всякую книгу и по цифрам все мог понимать. Своих мыслей Парфен, по обыкновению, никому не передал. Что поделаешь, ежели так выходит все.

Конец лета пролетел незаметно. Из новостей на промыслах было только то, что неожиданно появился Мохов и привез молодой жене в подарок красный платок и ботинки.

— Где ты денег-то взял, малый? — удивился дедушка Елизар.

— А вы думали, что Мохов без вас с голоду подохнет? — хвастался Мохов, попыхивая цыгаркой. — Нет еще, подождите. Вот как еще Мохов поживет. Все завидовать будут...

Откуда добыл Мохов денег, — так и осталось загадкой. А деньги у него были. Он ходил по промыслам и хвастался, показывая бумажник. Потом он так же неожиданно исчез, как появился. Даже с женой не простился хорошенько. Дедушка Елизар только качал головой. Выходило дело нечисто. Даром денег никто не даст, а работать Мохов не любил.

Наступила осень, и работы начали поне-

много сокращаться. Ниже, по течению реки Мартьяна, черновляне оставили до весны. Ковальчуки опять заработали много на зависть другим старателям. Впрочем, хорошая платина шла также у Шурыгиных и кое у кого из висимцев. Парфен уже рассчитывал ставить себе где-нибудь новую избу, — это первое дело. Денег немного не хватало, и он рассчитывал у кого-нибудь занять. Но, к его удивлению, денег ему предложил старик.

— Какой же мужик без избы, — рассуждал старик. — Справишься, отдашь.

Оказалось, что дедушка Елизар дал денег и Марье. Вообще, семейная распря улеглась, и дело пошло на мир. Все вздохнули свободнее. Что же, и другие семьи делятся, как Шкарабуры. Дедушку Елизара, главным образом, уговорил висимский священник, к которому он ходил посоветоваться.

Когда работы закончились и контора закрылась, Федор Николаич с женой уехали в Тагил; Александр Алексеич — вместе с ними. Кирюшка провожал их со слезами, «солдатка» подарила Кирюшке на прощаньи несколько копеек.

— Приезжай к нам в гости, — приглашала она.

* * *

Много прошло лет. Из Кирюшки уже вырос большой человек, которого все называли Кириллой Парфенычем. Он женился на Насте и жил в своем собственном доме. Дела у Ковальчуков шли почти все время хорошо, как и у всех висимцев. Когда открыли прииск Варламиху, оказалась такая платина, какой еще не видали до сих пор. Кроме того, цена на платину поднялась вдвое и втрое против прежней. Дедушка Елизар все еще был жив, но по старости лет не мог выходить из дому, и когда приходил внучек Кирилл, умолял его:

— Сосчитай ты мне, Кирилл, сколько это выйдет наших денег.

Старик немного тронулся и все жалел, что так дешево сдавал прежде платину, а теперь бы получил настоящие деньги.

Платина на Варламихе открыта была именно там, где показывал охотник Емелька. Он давно умер, в один год со своим другом, дьячком Матвеичем. Ковальчуки окончательно разбогатели уже на Варламихе. Да и весь

Висим тоже поправился так, что не узнать. Везде — новые избы, крашеные крыши и разные постройки.

С дедушкой Елизаром остался жить один Ефим, а Мохов давно ушел вместе с женой. Он открыл в Захаровой кабак и жил припеваючи. Поговаривали, что он тихонько торгует краденой платиной, чем теперь занимались в Висиме очень многие. Тайные скупщики подняли цену платины до рубля.

Вскоре после свадьбы Кирилл отправился с молодой женой в гости к Александру Алексеичу, который служил сельским учителем за Кушвой. Федор Николаич служил в Перми, а Сергей Александрович уехал в Сибирь. Кириллу очень хотелось повидать их всех, но на лицо был один Александр Алексеич.

Он очень обрадовался, когда Кирилл приехал к нему и долго расспрашивал его о висимских делах и висимских знакомых.

— Дедушка-то Елизар прав, — заметил Александр Алексеич, — совсем даром вы отдавали платину, она будет стоять дороже золота...

Примечания

1

Оболокайся — одевайся.

[^^^]

2

Царская водка — смесь из соляной и азотной кислот.

[^^^]

Речной хрящ — галька.

[^^^]